

18+

Алексей Андреев

ЧЕТЫРЕ МУШКЕТЕРА И ВСЕ—ВСЕ—ВСЕ

Книга вторая. Обратно.

Алексей Андреев

**Четыре мушкетера и все-все-
все. Книга вторая. Обратно.**

«Издательские решения»

Андреев А.

Четыре мушкетера и все-все-все. Книга вторая. Обратно. /
А. Андреев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Перед Вами, уважаемый читатель, очень
вольная трактовка великого романа, из которого взяты любимые
персонажи и поставлены в несколько непривычные для них, где-то даже
экстремальные условия, нарушающие устоявшийся повседневный уклад их
размеренной жизни. Книга содержит нецензурную брань.

© Андреев А.

© Издательские решения

Содержание

Книга вторая. Обратно	6
Пролог	7
Глава 1. Матерый сиделец	8
Глава 4. Забытый персонаж	27
Глава 5 Королевский прием	35
Глава 6. Новая жизнь	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Четыре мушкетера и все-все-все Книга вторая. Обратно.

Алексей Андреев

© Алексей Андреев, 2026

ISBN 978-5-0070-0972-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0065-3074-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новейшие приключения четырех мушкетеров.

Книга вторая. Обратно

Пролог

Долго не могли заснуть. Сон не шел от слова совсем. Смущала и одновременно настораживала нереальная какофония звуков. Несмотря на глубокую ночь, кто — то, где — то истошно выл, кого — то били за стеной, может быть даже и ногами. Какой — то чудака пел, в полную силу легких. Пел, надо отметить бездарно, но предельно громко. Скулили голодные собаки. Орала неудовлетворенные коты и кошки.

Наконец, кое — как удалось провалиться в «царство Морфея». Проснувшись, начали ждать завтрак. А что — бы скоротать, уныло тянущееся время, стали глазеть в украшенное ржавыми решетками окно, благо выходило оно на городскую улицу, по которой не торопясь шевствовались туда — сюда парижане и гости столицы.

Вот и сейчас вдалеке пятерка нехилых, крепких ребяташек средних лет, активно жестикулируя, носилась по кварталу, судя по их поведению, разыскивая кого — то. Наблюдая за знакомыми до боли фигурами, Арамис беззвучно заплакал. Портос, попытался крикнуть, но спазм железной хваткой сжал горло. Д'Артаньян, грязно ругаясь, что есть силы лупасил лбом о стену.

— Вот ведь чунга — чанга! Так нам и надо, — прошептал Атос и разведя руками, произнес еще одно только слово — Жизнь!

Глава 1. Матерый сиделец

Камера, в которую до прибытия из командировки Его Высокопреосвященства кардинала Ришелье, поместили друзей -мушкетеров, располагалась на третьем этаже Бастилии и представляла из себя весьма просторное помещение, в котором по непонятным причинам, из девяти имеющихся в наличии кроватей, в настоящий момент пустовало пять. Путем несложных подсчетов становится понятно, что наши герои находились в замкнутом пространстве одни.

— Так нам и надо, все закономерно, — философски размышлял в слух Атос и заложив руки за спину, неторопливо меряя каземат шагами, грустно продолжал:

— Зря мы русичей кинули, вот нам обратка и возвернулась. Сейчас сидели бы в кабаке все вместе, да весело побухивали.

— Вы батенька, окромя бухла еще о чем — нибудь думаете вообще хоть изредка? — спросил ежедневно и помногу рыдающий Арамис, выходя из состояния оцепенения и вытирая рукавом, мокрые от слез щеки.

— Естественно думаю. О еде еще думаю, о сыне своем Атасе тоже думаю, где он, как он, сколько годков ему? — парировал граф де Ла Фер.

— Атас? Какое оригинальное, а главное редкое имя! Друг мой, Вы нам никогда и ничего о своем сыне не рассказывали. Какой он? Сколько лет? Похож — ли на Вас? — будущий аббат не прекращал диалог, который превратился в следующую последовательность вопросов и ответов:

— Откуда я знаю, какой он и сколько ему лет? Я его никогда в глаза не видел.

— Это как же так?

— Да вот так!

— А он у Вас точно есть?

— Кто?

— Кто — кто, конь в пальто! Сын блин.

— Не факт. Наверное где — нибудь имеется. Надеюсь. А может даже и не один.

— Меркантильный упырь! — прошептал, еле слышно себе под нос Арамис и с искренней улыбкой обнял товарища, буквально прокричав:

— Какое — же непередаваемое счастье быть Вашим другом! Вы необыкновенный человек Атос. Как я благодарен судьбе, что свела нас когда — то!

Граф де Ла Фер за встречу с Арамисом, был благодарен судьбе как минимум не меньше, а то и в разы больше соратника. Официальная версия знакомства двух достойных мужей была насквозь пропитана героизмом, мужеством, стойкостью и волей к победе. Выглядела она примерно так — Атоса, из последних сил, отбивающегося от шестерки гвардейцев кардинала, заметил, не пойми откуда взявшийся и куда шлендающий Арамис. Долг чести не позволил ему пройти мимо свершающейся несправедливости и герой раскидав всю говнючую стаю, сотворил правосудие.

Правда жизни была чуточку менее красива и героизирована. Поздно ночью, возвращаясь от своей любовницы — мадам де Шеврез, Арамис обо что — то споткнулся в темноте, растянувшись на булыжной мостовой. Поднявшись и стряхнув с плаща первое подобие снега, не более часа назад выпавшее на парижские улицы, он грязно матерясь, злобно пнул предмет, валяющийся прямо посреди дороги. Атос, а это был именно он, невнятно замычал и забился в приступе икоты.

Как выяснилось позже, граф де Ла Фер, отмечал день мушкетера — ежегодный, почитаемый во всей Франции праздник. Отмечал он его самозабвенно и фанатично неделю. Потому — как сам мечтал когда — нибудь в будущем, стать мушкетером Его Королевского Величе-

ства. Где бил, сколько и с кем, Атос не помнил абсолютно. Когда кончилась вся наличность, он включив «автопилот» попытался добраться до места временного своего проживания. Промаяхнувшись буквально парой домов и несколько подустав от бесплодных поисков, потенциальный мушкетер лег отдохнуть. Выбором места он особо не заморачивался, где устал — там и прилег. И наверное так и сдох бы как собака подзаборная, замерзнув вусмерть, утративший во сне всю верхнюю и иную другую одежду, приватизированную заботливыми, нуждающимися в улучшении собственного гардероба согражданами, если — бы не Арамис.

Нет, новый знакомый не дал Атосу свою одежду, не протянул фляжку с бодрящим организмом алкогольным напитком и не согрел теплом своего тела. Новый знакомый начал самозабвенно месить ногами, синеющего в одних труханах молодого колдыря, пытаясь привести в чувство. Это достаточно быстро удалось сделать и пробежав пару кварталов новоявленные друзья очутились в доме Арамиса.

Оттаявший Атос, любясь светло — синим мушкетерским плащом своего спасителя, только еще больше затверделся в намерении срочно стать владельцем такого — же.

— Можно конечно этот плащ скоммуниздить, не обеднеет поди кореш, — подлечие мысли графа де ля Фер крутились вокруг заветной накидки.

Затем он вспомнил, что какой — то дальний родственник, вроде бы дядя троюродный, является большой «шишкой» в мушкетерских кругах.

— Эх! Фамилию запомнил. Смешная какая — то фамилия у дяди. Мутная. Венгерская. На Т вроде. Трюфель, Тревел, Тефаль, точно — Тревиль, де Тревиль, — перебирал в уме Атос.

Пробудившись рано утром, он рванул на поиски знатной родни, а вечером уже шикавал в новеньком мушкетерском одеянии, по благу зачисленный на вожденную службу.

— Кстати, что — то кормить сегодня нас не шибко торопятся, — лежащий на боку Д'Артаньян, подложив под голову руку, лениво глядел на активно ковыряющего в носу Портоса, совершенно не обращая внимания на беседу и воспоминания двух других приятелей.

Портос, был настолько поглощен интеллектуальным занятием, что временно не принимал участие в светской беседе поделничков. Не получивший никакой ответной реакции на свою реплику, молодой гасконец с все более нарастающим интересом лицезрел за потугами гиганта, который старался как мог.

Вскоре, усилия Портоса достигли своего апогея — из соплехранилища хлынула кровь, а два указательных пальца, напоминающих сардельки, провалились в две носопырки, забив носоглотку и преградив доступ кислорода к мозгу. Находчивый великан активно и шумно задыхался ртом. Д'Артаньян терпеть сие свинство более не мог, посему, душевно матерясь про себя, резко вскочил с койки и бросился к другу со словами:

— Да у Вас же сейчас морда треснет, бросьте уже заниматься членовредительством. И не вздумайте мне чихнуть.

Представив, что будет если Портос все — таки мощно рявкнет, гасконец невольно рассмеялся, одновременно вслух размышляя над родившимся вопросом:

— Что лопнет в первую очередь — шмыгалка или барабанные перепонки, или зенки вылетят, а может все одновременно?

Портос поспешил экстренно освободить свой клюв от лишних предметов, заметив при этом:

— Задумался господа. Прошу меня простить великодушно! Дружище, благодарю Вас за заботу! — он почтительно протянул руку для рукопожатия Д'Артаньяну. Тот брезгливо поморщившись, спрятал руки за спиной и демонстративно сделал шаг назад.

Тогда великан деликатно вытер руки о простыню, о нее — же вытер, залитое кровью рыло и подойдя к двери, мощно забарабанил по ней. Снаружи, как будто только этого и ждали. Калитка отворилась, кто — то невидимый решительно сунул Портосу кулак в нос и прошипев:

— Себе по башке постучи бурундук дефективный. Будешь еще шум поднимать, без еды и зубов останешься, — аккуратно запер служебное помещение.

— Что — то тебе катастрофически не везет сегодня, — Портос ощупывал, распухший от недавних перепетий орган обоняния.

Более никаких приключений по утру не произошло. Дежурный завтрак, состоящий из куска хлеба и чашки воды сменился дежурной же часовой прогулкой по внутреннему дворику тюряги, по окончании которой, арестантов пинками распахали по камерам и все стали ожидать обеда.

Однако, что — то в этот день пошло не так. Резко отворилась дверь в камеру, мушкетеров грубо, как нашкодивших котят схватили за шкурки, выволокли из обжитого уже помещения и куда — то повели, периодически щедро одаря поджопниками. Идти пришлось не особенно долго. У одного из кабинетов, занимаемых начальствующим персоналом исправительного заведения, процессия остановилась. Сопровождающие лица, велели заключенным уткнуть морды в стену, задрать руки кверху и стоять по стойке смирно на команду «раз». Все озвученные приказы были дружно и что немаловажно для здоровья пленников своевременно выполнены и сейчас четыре узника, буравя глазами грязную, никогда не мытую вертикальную поверхность, полусшепотом переговаривались между собой, что судя по отсутствию пинков в область седалищного нерва, в данной ситуации было допустимо.

— Куда это нас? — чувствительный Арамис как всегда был взволнован больше других.

— Куда, куда? На расстрел, — несмотря на расквашенный нос, Портос не терял чувства юмора и шутовал, как ему представлялось по десятибальной шкале гениальности, ну как минимум на девять с половиной:

— Да ладно не пугайтесь. Никто не будет нас стрелять. С чего бы им патроны переводить зря. Повесят всех по очереди, на одной веревке, на ближайшем фонарном столбе и всех делов. А может в жбане с водой утопят, как свинят немых. Так кстати еще дешевле в плане затратности.

Ноги Арамиса подкосились и если бы Атос не поддержал друга, тот обтек бы по стене на пол. Охрана учреждения, парочкой звонких оплеух вернула будущего аббата в состояние нестабильного внутреннего равновесия и теперь он, поддерживаемый с двух сторон Портосом и графом де Ла Фер, висел меж ними, роняя на еще более грязный чем стены пол, слезы впережку с соплями.

Глядя, на все более и более раскисающего товарища, Д'Артаньян тоже безудержно разрыдался. Стражники, глядя на творящееся у них перед глазами лицедейство, хотели уже малость привести в чувство распоясавшихся мракобесов, когда неожиданно раздались громкие шаги и в конце коридора показался, вернувшийся из рабочей поездки в Испанию, Его Высокопреосвященство кардинал Ришелье с сопровождающими лицами.

Лица, в большинстве своем, преимущественно были злы и недружелюбны, что для мушкетеров не сулило абсолютно ничего положительного. Судя по ужасному настроению духовной особы, вылазка в Испанию не принесла ожидаемых результатов. Компромат на действующую королеву Франции — Анну Австрийскую раздобыть не получилось, отчего на душе кардинала было паскуднее некуда. Кроме того, перед самой посадкой на корабль, кардинала бурно, вдрызг обосрали местные чайки, как — будто всю сознательную жизнь, копившие силы, для проводов почетного гостя.

Встречающий у трапа, прибывшей с Пиренейского полуострова шхуны, своего непосредственного руководителя, граф Рошфор прочитавший на угрюмой физиономии Ришелье результат поездки, будучи опытным придворным, поспешил поделиться приятной новостью:

— Мы их поймали, Ваше Высокопреосвященство!

— Кого Рошфор? Фиалок тех распутных, которые во время последней исповеди умыкнули мою любимую сутану и панталоны?

Тот, кому был адресован вопрос, отрицательно помотал головой, загадочно улыбнулся, сделал заговорщицкое лицо и прошептал:

— Их Ваше Высокопреосвященство!

— Да кого их — то граф? Не будьте идиотом, хватит говорить загадками. Кого вы поймали?

Наклонившийся, к самому уху шефа, Рошфор прошептал:

— Мушкетеров Ваше Высокопреосвященство! Всех четверых. Блестяще проведенная операция. Взяли без единого выстрела. Пукнуть не успели.

— Пикнуть, вы хотели сказать Рошфор.

— Да и пикнуть тоже.

Лицо Ришелье озарила иезуитская улыбка. Это была первая хорошая новость за неделю. От счастья, даже зачесалось в мудях и под мышкой.

— Где эти мерзавцы? — спросил он, первобытно, без всякого стеснения утоляя зуд временно в штанах и в области подмышечной впадины.

— Там где и положено находиться людям, без приказа покинувшим поле боя живыми. Я еще понимаю неживыми. Но живыми..

— Хватит нести хрень Рошфор, они в Бастилии? — прервал собственный чес и маразматические изречения подчиненного, кардинал.

— Так точно Ваше Высокопреосвященство, преступники находятся в Бастилии, — ретивый служака вытянулся по стойке «смирно», ожидая дальнейших приказов, не заставивших себя ждать:

— Едем в Бастилию.

Директор каталажки, экстренно прервавший дневной сон, сломя голову выскочил навстречу прибывшим высокоставленным особам. Подобострастно предложивший кардиналу для начала отобедать, он был послан в жопу Его Высокопреосвященством, спешащим на свидание со злейшими врагами своими, уже считай поверженными.

И вот сейчас, проходя мимо жалко смотрящейся четверки мушкетеров, некогда доставившей ему массу гадостных неприятностей, Ришелье, взявшись за ручку кабинета, через плечо приказал охранникам:

— Заводи сволочей.

— Ваше Высокопреосвященство, заводить всех сразу или по одному? — очумевшая от такого обилия высших чинов, охрана заведения дышала через раз, боясь сделать что —нибудь не так.

— Всех скопом давай. Еще чего, по одному. Много чести с каждым козлом лясы точить, — кардинал находился в сладостном предвкушении предстоящей экзекуции.

Когда арестованных завели в кабинет, картина открывшаяся их взорам предстала совершенно бесподобная. За единственным столом, вольготно развалившись в кресле сидел кардинал, по правую руку от которого стоял граф Рошфор, по левую — капитан гвардейцев. За их спинами, переминаясь с ноги на ногу, стояло еще человек десять в красных мундирах, готовые по первому приказу зарезать, задушить или расстрелять квартет противников.

Дрожащих от страха мушкетеров, построили непосредственно перед их судьями, которые в данную секунду, должны были принять решение о дальнейшей судьбе провинившихся. У Рошфора, неожиданно резко разболелся зуб. Лицо его перекосила гримаса ужасной боли, отчего облик принял зверский, даже злодейский вид. Поддерживаемый друзьями Арамис, икнул и потерял сознание.

— Ну вы и дерьмо! — приветствовал Его Высокопреосвященство — Атоса, Портоса, Д'Артаньяна и скрючившегося на полу Арамиса.

— Это ж надо быть такими скотами. Вы куда из крепости исчезли, свиньи неандертальские? Вас не то что повесить на первом же дереве, вас... — тут Ришелье задумался над спосо-

бом избавления общества от бесполезной четверки, даже привстал из — за стола и озаряемый, осенившей его мыслью, лупанул по дубовой поверхности, заорав:

— Расстрелять вас мутантов нужно из пушки, каждого по одиночке. А еще лучше всех скопом. Негодяи! Нет вы посмотрите на них. Это ж как нужно ненавидеть свою родину и короля, что — бы вот так обгадиться у всех на виду. Не думайте что вам все сойдет с рук как всегда. На этот раз все, амба вам. Четырьмя тварями меньше будет на земле. Никто не расстроится от такой потери. Ублюдки!

— Старый маразматик, что б ты сдох! — прошептал беззвучно Портос.

Но Ришелье, по губам прочитал душевное послание, адресованное конкретно ему. Он резко выпрыгнул из — за стола и зацепившись за ногу графа Рошфора, растянулся на невымытом годами полу. Вскочив на ходунки, предводитель французского духовенства от души, с разбегу пнул, притворяющегося, находящимся в отключке Арамиса и разбрызгивая слюни, набросился на великана:

— Да как ты смеешь, кусок жира, мне, мне — кардиналу Франции такое ляпнуть. Мозги все пропил, слон сиамский? Да я тебя на рудники сошлю, гадина неподъемная. Паразитюга.

На полу поскуливал, держась за отбитые яйца Арамис, перед строем бесновался воющий Ришелье, посему Д'Артаньян, вновь громко и истерично зарыдал, на всякий случай, так для смеху.

Глядя, на заливающегося слезами взрослого детину, Его Высокопреосвященство, которому надо отметить была свойственна резкая перемена в настроении, неожиданно успокоился. Вплотную подойдя к гасконцу, он похлопал юношу по влажной щеке, презрительно вытер руку о его — же камзол и совершенно без злости произнес:

— Ну, ну успокойтесь молодой человек. Я вижу всю степень Вашего раскаяния. Перестаньте так себя терзать. Похоже, что Вы еще не совсем потеряны для общества. Как Вас вообще угораздило попасть в такую дурную компанию? — кардинал кивнул в сторону, поднимающегося Арамиса и продолжил:

— Это ведь дегенераты. Моральные уроды. Отребье. Вот допустим если — бы Вы служили мне...

— Я согласен, — заорал Д'Артаньян, не давая кардиналу закончить фразу и приземляясь перед ним на колени.

— А я пошутил, — пропел в лицо гасконцу Ришелье и отвернувшись обратился к графу Рошфору:

— Это бесполезный материал. Биологический мусор. Вздерните всех четверых. Никакого суда не нужно. Сегодня уже поздновато, а вот завтра — самое оно. И пойдемте уже отсюда. Дел за гланды. Всем привет!

Атос на автомате ответил:

— И Вам привет!

— Мать моя женщина, — промямлил слабохарактерный Арамис, закатил глаза и снова завалился в отключке, заняв горизонтальное положение.

Портос крикнул в спину удаляющимся особам:

— А кормить, кормить — то будут сегодня?

Но тех уже и след простыл, а охранники профессионально заломали трем мушкетерам руки, подняли с пола кряхтящего Арамиса и сопроводили горемык в их апартаменты, готовиться к казни.

— А Вы, Д'Артаньян конечно тот еще мухомор, — Портос, первым нарушил молчание и неодобрительно покачал головой, когда дверь за стражей закрылась и друзья остались одни.

— Не думаете же вы, друзья мои, что я стал бы служить этой гадине — кардиналу, я просто прикололся, хотел посмотреть на его реакцию, — пытался отбрехаться, от вполне заслуженных упреков юный отрок.

— Ну и как? Посмотрели на его реакцию? — в разговор вступил Атос.

— Да. Реакция неоднозначна, — парировал гасконец.

— Да ты что! Хрен тебе на рыло. Еще как однозначна. Завтра всем нам вселенский карачун, — граф де Ла Фер был чрезвычайно взвинчен, что с ним случалось лишь в моменты трезвости, которые были редки как снег летом. В обычном, практически ежедневном состоянии Атос, представлял из себя аморфную массу — овощ. Набуханный вдрызг овощ.

А тут и Арамис вернулся к жизни:

— Д'Артаньян, Вы определенно флюгер. И нашим и вашим, и поем и пляшем. Иуда!

Сносить бесконечные оскорбления и претензии в свой адрес, молодой отпрыск Гаскони не собиравался, посему, быстро оценив и сравнив силы и возможности Портоса, Атоса и Арамиса, решил оторваться на последнем, как на наиболее слабом звене. Мощный толчок отбросил будущего аббата к стене. Посыпалась штукатурка, обнажив пролом, размером метр на метр. В дырине показалась голова древнего старика, с бородой до жопы, обросшего как обезьяна.

— Guten Morgen! (Доброе утро!) — сказала голова по — немецки.

Мушкетеры, раскрыв рты от удивления, тупо и молча смотрели на говорящего.

— Buongiorno! — повторила приветствие голова по — итальянски. Немое молчание в ответ.

— Hello! — в третий раз поздоровалась голова.

— Слышь, сам ты ху. ло! Чей это голос вообще и откуда? Ты кто? — приветствовал голову, обалдевший Арамис.

— А ты? — поддержал беседу старче.

— Я Коперник. Это мои друзья — Жоперник, Поперник и Соперник, — включил режим юмориста мушкетер.

— Аааа, понятно. Тогда я Патрокл, сын Менетия и Сфенелы, брат Ахиллеса — двоюродный.

— Что ты там потрогал? — озадачился вопросом, доселе не принимавший участия в беседе Портос.

Наблюдая полную безграмотность, а где — то местами даже и неприкрытую туповатость собеседников, таинственный незнакомец, не рискуя протиснуться в образовавшееся отверстие и продолжая оставаться на своей территории, гордо представился:

— Я граф Монте — Кристо! Слышали наверное про меня?

Потирая лоб, как будто что — то вспоминая, Атос сделал шаг навстречу:

— Подожди — ка, подожди. Уж не тот — ли ты Монте — Кристо, который отличился при осаде Амьена, во время франко — испанской войны?

Старикашка не успел ничего ответить, а Портос уже басил на всю комнату:

— Да не тяните уже кота за все причиндалы Атос. Что за история там приключилась? Поведайте нам.

Атос неспешно начал свое повествование:

— Служил тот Монте — Кристо порученцем при капитане ммм..., не помню имя, ну пусть будет Жюльен, в корпусе французской пехоты. Как я уже сказал, шла осада Амьена. Штурм за штурмом, атака за атакой. Все бесполезно. Главнокомандующий, дает приказ к отступлению на свои позиции и пару часов на отдых.

Жюльен вызывает Монте — Кристо и велит тому, мухой, по — быстрому метнуться на местный рынок, в ближайшем селе, что минутах в тридцати от места их расположения и приобрести, исключительно для поднятия воинского духа, в свете грядущего наступления, бутылку коньяка. Порученец отвечает, что конечно раздобудет напиток, только есть определенные опасения, как бы штурм не начался пока он будет носиться туда — сюда.

Капитан уверяет посыльного, что раньше чем через два часа, они в атаку не пойдут, дает денег и приказывает немедленно действовать, только никому не говорить, что это для него и что он его послал, так как это, собственно говоря, дело запрещенное.

— Не извольте беспокоиться, господин капитан, все будет в наилучшем виде, я очень люблю все запрещенное, нет — нет да и да, сделаю что — nibудь расстрельное, сам того не ведая. Вот как-то раз был случай...

— Кругом! Шагом марш! — скомандовал капитан Жюльен, пресекая на корню, словесный понос младшего по званию.

Монте — Кристо рванул в деревню, повторяя по дороге все задания своей экспедиции: коньяк должен быть хорошим, поэтому сначала его следует попробовать. Коньяк — дело запрещенное, поэтому надо быть осторожным.

Только он прибежал на импровизированный рынок, как наткнулся на майора Дюгарри из соседнего гарнизона, который был с капитаном Жюльеном в жестких контрах.

— Ты чего здесь шляешься? — налетел тот на Монте — Кристо.

— Осмелюсь доложить господин майор, меня послало руководство для приобретения необходимого провианта, — нашелся что ответить посыльный.

— Пшел отсюда, негодяй! Мы с тобой еще встретимся! А когда мы с тобой встретимся, то поговорим! А когда мы с тобой поговорим, то я тебе не завидую!

Монте — Кристо пошел по рядам со всякой всячиной, а хитрый майор, последовал за ним. Тут и там стояли большие корзины, опрокинутые вверх дном, на которых лежало множество вкусняшек, выглядевших абсолютно невинно, словно все это добро было предназначено для беззаботной молодежи, готовящейся к загородной прогулке. Там были всевозможные конфеты, пряники, куча кислой пастилы, кое — где встречались ломтики белого хлеба с салом. Под большими корзинами хранились различные спиртные напитки: бутылки коньяка, спирта и всяких других настоек.

Тут же, за придорожной канавой, стояла палатка, где, собственно и производилась вся торговля запрещенным товаром.

Солдаты сначала договаривались у корзин, затем пейсатый еврей вытаскивал из — под столь невинно выглядевшей корзины спиртяжку и относил ее под кафтаном в деревянную палатку, где солдат незаметно прятал бутылку в брюки или за пазуху.

Вот туда — то и направил свои стопы Монте — Кристо, в то время как словно завзятый сыщик, за ним наблюдал мстительный Дюгарри.

Монте — Кристо забрал все у первой же корзины. Сначала он взял конфеты, заплатил и сунул их в карман, при этом пейсатый торговец заговорщицки поведал ему, что в наличии имеются различные спиртосодержащие изделия.

Переговоры были быстро закончены. Оба вошли в палатку, но порученец заплатил только после того, как господин с пейсами раскупорил бутылку, а он попробовал, остался доволен коньяком и, спрятав бутылку за пазуху, направился к месту дислокации своего полка.

— Где ты был, вонючий подлец? — преградил ему дорогу настырный майор.

— Осмелюсь Вам доложить, господин майор, ходил за конфетами, — Монте — Кристо сунул руку в карман и вытащил оттуда горсть грязных, покрытых пылью конфет.

— Если господин майор не побрезгуют... я их пробовал, неплохие. У них, господин майор, такой приятный особый вкус, как у повидла.

Под мундиром обрисовывались округлые очертания бутылки.

Пытливый майор похлопал посыльного по груди:

— Что несешь, мерзавец? Вынь!

Монте — Кристо вынул бутылку с желтоватым содержимым, на этикетке которой черным по белому было написано «Коньяк»:

— Осмелюсь доложить, господин майор, я в бутылку из — под коньяка накачал немного воды для питья. У меня, от этой самой вчерашней похлебки страшная жажда. Только вода там в колодце, как видите, господин майор, какая — то желтоватая. По — видимому, это железистая вода. Такая вода очень полезна для здоровья, — проговорил он, ничуть не смутившись.

— Раз у тебя такая сильная жажда, так напейся, но как следует. Выпей все это сразу, — бесовски усмехаясь, сказал зловредный Дюгарри, желая возможно дольше продлить сцену, которая должна была закончиться полным поражением оппонента.

Сволочной майор наперед представил себе, как Монте — Кристо сделает несколько глотков и дальше уже будет не в состоянии, а он, майор, одержав над ним полную победу, скажет:

— Дай ка мне немножко, у меня тоже жажда, — и как будет выглядеть лицо этого мошенника Монте — Кристо, в этот грозный для него час. Потом он подаст рапорт и так далее.

Монте — Кристо открыл бутылку, приложил ее ко рту, и напиток глоток за глотком исчез в его горле.

Мерзопакостный майор оцепенел. Монте — Кристо на его глазах выпил все, не моргнув глазом, швырнул пустую посудину в лужу, сплюнул и сказал, словно выпил стаканчик минеральной воды:

— Осмелюсь доложить, господин майор, у этой воды действительно железистый привкус.

— Покажи — ка мне колодец, из которого ты набрал эту воду!

— Недалеко отсюда, господин майор, вон за той деревянной палаткой.

— Иди вперед, негодяй, я хочу видеть, как ты удержишь шаг!

Монте — Кристо шел, надеясь на свою счастливую звезду. Что — то ему подсказывало, что колодец должен быть впереди, и поэтому он совсем не удивился, когда колодец действительно оказался на месте. Мало того, и насос был цел. Они подошли к колодцу. Монте — Кристо начал качать, и из насоса потекла желтоватая вода.

— Вот она, эта железистая вода, господин майор, — торжественно провозгласил он.

Приблизился перепуганный пейсатый мужчина, попытавшийся на незнакомом языке и жестами объяснить, что пить из колодца нельзя ни в коем случае. Однако Монте — Кристо прервав юморную пантомиму, попросил его принести стакан — дескать, господин майор очень хотят пить.

Подлый майор настолько опешил, что выпил целый стакан воды, от которой у него во рту остался вкус лошадиной мочи и навозной жижи. Совершенно очумев от всего пережитого, он еще и дал пейсатому еврею за этот стакан воды целых три серебряных монеты, а затем повернувшись к Монте — Кристо, сказал:

— Ты чего здесь глазеешь? Пошел на позиции!

И все бы было ничего, да только история эта получила широкую огласку, потому — как майор тот, вскоре помер от дизентерии, уславшись вусмерть. Три дня, горемыка безвылазно был прикован к горшку, занимая отдельностоящее помещение, расположенное чуть поодаль от казарм.

На четвертые сутки, неживого уже страдальца обнаружил случайный солдатик, который пришел в туалет, что — бы украденным накануне в медсанбате скальпелем, располосовать себе правую руку от локтя и до плеча, дабы быть комиссованным с воинской службы.

Безвременно почившего ретивого майора, младшие, да и старшие чины, чего уж греха таить, мягко говоря недолюбливали, поэтому за глаза, комментировали его отход в мир иной не иначе, как:

— Отмаялся гаденыш. Высрал всю душу паразитина.

Но, поскольку во всей армии это был первый и единственный случай гибели от такого позорного недуга, стали искать виновных. Раскрутив весь клубок, по цепочке вышли на Монте — Кристо и капитана Жюльена, который испугавшись военного трибунала, незамедлительно отрекся от своего порученца, сообщив, что он будучи тем еще гаденышем, самовольно покинул

расположение части, украв кошелёк с деньгами и вообще, Монте — Кристо — трус, подлец, негодяй, жалкая ничтожная личность. На виселице ему самое место. И желательно повесить его пару раз — для надёжности. Однако вешать бедолагу не стали, быстренько впяли десятку на душу населения и напрямик на угольные шахты, трудиться на благо страны родной, — Атос закончил свой рассказ и вопросительно уставился на нового знакомого, ожидая подтверждения изложенного.

Старикашка так — же молчал, в немом изумлении, тоскливо взирая на повествователя, а затем тяжело вздохнув изрек:

— Нда. Гребанный экибастус! С кем приходится иметь дело. Нет молодые люди, эта история не про меня. Возможно это совсем другой Монте — Кристо. Мое первое имя, данное при рождении — Эдмон Дантес, — дедулька выжидающе смотрел на четверку дебилов.

— Вот это коллизия! — пробормотал Арамис и попросил ветерана:

— Может быть Вы расскажете нам о себе, кто Вы и как оказались здесь в Бастилии?

Хоттабыч помолчал, помолчал и начал свое содержательное повествование:

— Ну, рассказывайте поудобнее и внимательно слушайте мою, на первый взгляд нереальную, однако по настоящему жизненно — правдивую историю. Как я уже говорил вам, при рождении я был назван Эдмоном с фамилией Дантес. Я быстро вырос и уже готовился к свадьбе. Однако, один из моих друзей, подстроил мне подляну, гадюка. Меня посадили на пожизненное. И даже жениться не успел. В тюрьме, судьба свела меня с одним бывалым каторжанином. Он был невероятно богат и предвидя свой скорый арест, успел надёжно припрятать сокровища. Перед своей кончиной, этот дядя шепнул мне адресок острова, где все заныкал. Дело было за малым — сбежать из тюрьмы и найти клад. Я сбежал, нашел и стал сказочным богачем. Денег, золота и драгоценностей всяких было столько, что я мог купить половину Европы. Представляете, половину Европы! Ну вот и все.

Повисла пауза. Мушкетеры, недоумевающе смотрели друг на друга. Старый пенек тоже молчал. При ближайшем рассмотрении оказалось, что он спит.

— Папаша, папаша! Старый пердун бл. ть! — Д'Артаньян просунул руку, через отверстие в стене, тряхнул за отросшую шевелюру и разбудил старикашку.

— А!.. Кто здесь? — от неожиданности, дедулька чуть не обделался.

Портос, за шкирку втянул старца в их камеру, а Атос, возвращая того в реалии жизни спросил:

— Дедушка так Вы богач?

— Кто богач? Я богач? Да как ни х.й! — Монте — Кристо рассмеялся дребезжащим хохотком и уснул. Вновь.

Глубоко погрузиться в царство Морфеуса, дряхлому не позволил легкий, дружеский подзатыльник, уважительно отвешенный юным гасконцем.

Долгожитель, не потеряв нить беседы продолжил:

— Нет я не богат. Я все пропил.

— Во идиот то! — вырвалось из Арамиса и он еще «подбросил дровишек в огонь»:

— Нет, ну действительно, везет нам на кретинов последнее время!

— Дааа. Сказочный дебил! — Портос тоже не смолчал.

— Я все пропил, проиграл в карты, потратил на девок, — вернулся к разговору пожилой зэк.

— А как — же Вы опять на зону — то заехали? — у графа де Ла Фер пазл полностью не складывался.

— Так это, когда бабки все кончились, я одного зажиточного караса решил выставить на серьезную сумму. Да не сvezло. «Приняли» меня на горячем и вот я здесь. Невезуха одним словом.

— А нас ведь дедуля завтра вздернут всех, — Атос нашел общий язык с новым знакомцем.

— Иди ты!!!! — старичок загадочно блеснул глазами и добавил:

— Повезло вам!

— Спят совсем, — произнес Арамис, глядя на Монте — Кристо, а затем уже, обращаясь к Портосу закончил мысль:

— Ну еще — бы, столько сидеть, гемморой заработать можно.

Ветеран пропустил мимо ушей, прозвучавшее оскорбление и огорошил всех новостью:

— Повезло вам говорю! Я здесь уже пятнадцать лет прохлаждаюсь, а может и больше — не считал. За это время, как крот, столько ходов и лазов вырыл и соорудил — не сосчитать. Спасу ваши задницы от виселицы, выведу на свободу. Как говориться — на свободу с чистой совестью.

— Мать моя женщина! — Арамис рухнул как подкошенный на колени перед стариканом и стал лбом стучаться о пол. Д'Артаньян прыгал и скакал по хате, аки ребенок малолетний, Портос с Атосом радостно обнимались.

Вспышка радостной вакханалии, сменилась временем здорового размышления. Минуту тишины нарушил Атос, задавший вопрос неожиданному спасителю:

— Деда, а ты тоже в побег пойдешь?

Последовал неожиданный ответ:

— Нет. Здесь останусь. Привык уже. Кормежка какая — никакая есть? Есть. На прогулку выводят и то хорошо. Думать о зарплате не надо. Знай спи, жри и сри фмой слова придумывай всякие разные.

— Вот умеешь ты удивить старче, ну давай, погнали на волю, — Д'Артаньяну не терпелось снова оказаться в кабаке, за бутылочкой хорошего вина, в обнимку с какой — нибудь компанейской прошмандовкой, испить прекрасный напиток, затеять ссору с гвардейцами кардинала, получить в морду, уууух, красота — красотища! Это — ли не жизнь, во всей своей прелести!

— Молодой ты еще. Молодой и дурной. Вот вечернюю поверку закончат, отужинаем, тогда и ноги в руки, — Монте — Кристо махнул рукой на гасконца и полез к себе в камеру, перед тем как совсем исчезнуть, обернулся и тыча пальцем в Портоса добавил:

— Ты кабанчик, когда вертухай в камеру войдут, сядь у стены, ну вроде как уснул ненадолго, дыру телесами своими прикрой, что — бы раньше времени шухер не поднялся.

Глава 2. А все бегут, бегут, бегут...

Все произошло в точности, как и предположил заслуженный старожил сидельческого движения — ужин, проверка, отбой. Немного подождали. Самую малость — пару часов. Исключительно на всякий случай, уж больно ставки высоки.

— Ну, погнали сынки! — Монте — Кристо повел бегунков за собой. Сначала прошли в его камеру, затем углубились, в аккуратную дырень в полу. Стало невыносимо темно. Проводник, наощупь, дернул за рукав ближнего к себе мушкетера, им оказался Атос:

— Ну давай зажигай свечу, свет нужен. Да не тяни ты.

— Какую еще свечу? — опешил граф де Ла Фер.

— Вот — те нате, крот из под кровати, как мы без огнива — то? — старикан опешил не меньше.

— А кто про свечу хоть словом обмолвился? Да и хоть обмолвился бы, где ее взять — то? — оправдывался мушкетер.

— Ладно, не ссы пте соль на рану, на ощупь пойдем. Я насквозь здесь все знаю. Главное не отставайте.

Аккуратно двинулись вперед гусиным шагом, пердячим паром. Держались за руки. Когда старый хрен проваливался куда — то, проваливаясь, падали все. Не успев пригнуться — тюкался башкой о каменный выступ дедун, тюкались и все последующие персонажи. Через пару часов блужданий в потьме — налево, направо, вниз, опять налево, чуточку вверх, ой бл., резко вниз и вправо, терпение Портоса начало потихоньку иссякать:

— Ты часом не заблудился, придурок отмороженный?

— Счас, счас толстячок. Все уже, почти добрались. Ну.. Добро пожаловать на волю друзей мои! — с этими словами Монте — Кристо аккуратно пнул в стену, проделав пробоину, в которую мог поместиться человек.

Все бросились вперед и очутились в своей камере, только проникнув в нее с противоположной стороны.

— Пи. дец тебе старый баран! — Портос, угрожающе двинулся на старика. Тот вжал голову в плечи, словно черепаха, прячущая мозги в панцирь.

Атос, как человек интеллигентный и высококультурный, не мог допустить неоправданной жестокости, по отношению к пожилому человеку. А оправданной — мог:

— Портос, друг мой будьте гуманны, не нужно его бить, сломайте этому дурню шею и все, что — бы не мучался.

Спас горе — проводника, как ни странно Арамис. Он подскочил к Монте — Кристо, схватив того за грудки и приблизив свое лицо вплотную к лицу старика, дико и истерично заорал:

— Думай идиотина, думай скорее, нууу.. включай мозги дубина, найдешь дорогу? Убьют же тебя сейчас, палтус размороженный!

Старый сиделец вздрогнул, сбросив оцепенение и неожиданно прытко для своих лет снова рванул в темноту подземных переходов, вопя на ходу:

— Ааааааа, не возьмете твари..

Это случилась настолько неожиданно, что никто из мушкетеров не успел ничего предпринять.

— Во душегуб! — прошептал Д'Артаньян и бросился вслед за слабоумным дедулькой. За гасконцем припустили и все остальные. Долго бегать не пришлось. Бедового старикашку, нашли за первым — же поворотом, не совсем живого. Точнее совсем неживого. В темноте бегунок не успел пригнуться и со всей дури врезался лбом в стену, перетряхнув до трагического конца немногочисленные свои мозги.

— Рождает же земля таких недоумков, — Арамис в задумчивости почесал затылок.

— Ну и что нам теперь делать? — Атос растерянно переводил взгляд то на почившего тупоума, то на друзей.

— А давайте охранника в заложники возьмем. Постучим в дверь, он зайдет, мы ему по башке тюк и все, — Портос вдохновенно глядел на подельников.

— Какая интересная, глубокая и оригинальная мысль, а что дальше? — Д'Артаньян скептически отнесся к предложению гиганта, а тот продолжал:

— Берем заложника и выдвигаем свои требования.

— А скажите любезный Портос, какие у нас требования? — гасконец не отставал.

— Нуу.. пожрать и лошадей запряженных. И оружие еще. Много.

К беседе присоединился граф де Ла Фер, приведший всех в недоумение своим неожиданным вопросом:

— Напомните Портос, сколько детей помимо Вас было в вашей семье?

— Еще семеро. Как в сказке. Три брата и три сестры. А что?

Д'Артаньян поспешил уточнить:

— А что за сказку Вы имеете в виду, друг мой любезный?

— «Принц Семицвет». Мне ее в детстве все время читали. То — ли других книг не было в наличии, то — ли я прогневал родителей своих сверх меры, поведением нескладным и дерзким, но каждый день одно и тоже — «Принц Семицвет». Я эту гадость уже наизусть знал, а мне все равно каждую ночь — на, получи «Принц Семицвет».

Молодому гасконцу стало интересно и он спросил друга:

— А о чем сие милое писание гласило?

— Милое писание? Милое писание Вы говорите? Да это ужас а не сказка. Шмурдятина такая, что дрожь берет. Я через ночь штаны мочил, во время чтения этого опуса. А папенька — добродетель мой, как нарочно, во время самых страшных моментов, норовил резко и неожиданно заорать мне в самое ухо. Сохнувшие на веревке обоссанные штаны, доставляли родителю моему, несказанное удовольствие и неподдельное удовлетворение.

Атос не обращая внимания на диалог товарищей своих, загибал пальцы на руке:

— Три брата плюс три сестры, плюс Вы, Портос. У меня получилось семь, вместе с Вами. Мне вот просто интересно, природа только на Вас отдохнула или пометила всех семерых или восьмерых, сколько — уж вас там было у папеньки с маменькой не знаю?

— В смысле? — великан действительно соображал довольно туговато.

— Не напрягайтесь дружище, еще голова лопнет неровен час, — это уже Арамис не смог сдержать комплиментарных слов.

— Ну так что, берем заложника? — навязчивая идея не покидала дурной головы Портоса.

Тут слово взял человек, обладающий незаурядными лидерскими качествами, как ему самому представлялось, а именно — Д'Артаньян:

— У нас мало времени друзья, поэтому буду краток, как соловей по весне. Мы в заднице. В самой ее сердцевине. Скоро нам, фигурально выражаясь кабздец. Что мы имеем? Дохлый старый дурик нам не помощник — это раз. Есть масса подземных ходов и это наш единственный шанс на спасение — это два. Надо искать выход — это три. Пошли по чуть — чуть.

Стараясь не делать резких, необдуманных движений, продвигались вперед очень медленно, но зато без травм. Блуждали долго. В один момент показалось, что где — то далеко, позади, в тишине раздались крики:

— Тревога! Сбежали!

— А вот теперь ходу! — скомандовал Д'Артаньян и стал еще быстрее плестись, стараясь увести как можно дальше от эпицентра событий, своих друзей.

Тем временем, стража действительно обнаружила пролом в стене и потайной ход, а обнаружив бросилась в погоню. Охранники находились в более выгодном положении относительно беглецов, поскольку в руках держали зажженные факелы.

Бегунки изначально избрали тактику, держаться правой стены. И сейчас, в очередной раз сворачивая направо, питали надежду на правильность выбора маршрута. Однако зигзаги лабиринта не иссякали, а напротив стали гораздо чаще уходить то налево, то направо. Неожиданно повороты прекратились и впереди блуждающей четверки возник, достаточно длинный коридор, который никуда не сворачивал. Вроде — бы даже стало как будто малость светлее. Шли быстро с пол — часа. Спасительная тишина позади беглецов давала надежду на то, что преследователи еще не напали на след. Минуло еще пол — часа.

— Куда же этот шахтер ход свой прорыл? Сколько еще пЕхать? — Портос озвучил, мучающий всех вопрос.

По мере увеличения времени в пути, хотелось надеяться, что становится все светлее и светлее. Причину данного явления выяснили довольно скоро. Пройдя еще совсем немного, уткнулись в хлипкую дверцу, почти полностью поросшую мхом, сквозь доски которой едва заметно проникали солнечные лучи. Дверка была невысокой, примерно с метр от земли.

— Опа! Похоже утро уже. Это сколько — же мы бродили по этим катокмам? — удивлению Арамиса не было предела.

— Да какая нафиг разница, — Д'Артаньян мощным ударом ноги разнес предмет, отделяющий узников от последнего шага к свободе.

— Твою — ж мать! — граф де Ла Фер не смог сдержать радостного вопля.

— А где это мы? — Портос, высунув голову наружу, тупо разглядывал огромный луг, распростертый перед мушкетерами.

— Да какая разница где? Бежать надо, пока не поймали. Ходу, други мои, ходу! — Д'Артаньян понесся через поле, куда глаза глядят.

Мушкетеры последовали за ним. На ходу успевали перекинуться мыслями:

— К Тревилю нужно.

— Однозначно.

— Как только определимся по своему местоположению — сразу к нему.

— Ясен пень!

— Правильно. Только он сможет защитить нас от этого мракобеса Ришелье, в рот ему ноги, тварь козлячья.

Когда закончилось поле, сели передохнуть прямо на землю.

— Интересно, резиденция шефа в какой стороне? — озадачился Атос.

— Нужно найти какую — nibудь дорогу. Она по любому в центр Парижа приведет, — Арамис, как всегда предлагал дельные советы.

Неожиданно Д'Артаньян зарыдал. Да так искренне и самозабвенно, что все временно опешили. Первым в себя пришел Атос:

— Дружище что с Вами?

— Суслика вспомнил.

— Даа, добрый конь был. Кобыла то — есть. А с чего вдруг накатившие волны памяти напомнили Вам про этого ссыкуна?

— Скакуна Вы хотели сказать Атос? — не остался в стороне от беседы Арамис.

— Друг мой! Если бы я хотел сказать «скакуна», я бы и сказал «скакуна». Не нужно делать из меня одноклеточного, безмозглого тупня. Суслик героем конечно не был никогда, и издох позорно, но сколько лишений пережил вместе с нами. Эх Сусел, Сусел, мой друг — мой конь! Жил как скотина и помер соответствующе.

— Даа, «геройское» было животное. А помните друзья, как однажды, увидев волка этот кабысдох парализованный страхом, уселся на задницу и изошел на понос так, что пол дня его потом отмывать пришлось, — Портос от души заржал, предавшись веселым воспоминаниям.

Уже не торопясь, продолжили двигаться вдоль поля, периодически выражая сомнения, относительно правильности выбранного пути, конечной точкой которого должен был стать Париж, а в нем — резиденция графа де Тревиля, капитан — лейтенанта французских королевских мушкетёров.

Вдруг в кустах что — то зашевелилось и мелькнула, удаляющаяся голая жопа.

— А ну стоять морда немытая! — крикнул Портос, не пойми откуда взявшейся и неизвестно чем здесь занимающейся неприкрытой ягодице, которая на миг исчезла и вскоре обернулась человеком:

— Господа, имею честь представиться — месье Дюбуа, собственной персоной.

— И что — же, скажите нам, месье Дюбуа собственной персоной, ты тут делаешь? Изволил испорожняться на графских угодьях? — Д'Артаньян уже пребывал в прекрасном расположении духа.

— А вам — то какой до этого интерес? — парировал новый знакомец.

— Самый, что ни на есть прямой. Нам нужно в казармы мушкетеров в Париже, это в какой стороне? — Арамис встрял в разговор.

Месье Дюбуа весело усмехнувшись, ткнул пятерней куда — то в горизонт, где маячили силуэты предполагаемых построек, приправив жест голосовым сообщением:

— Туда идите. Недолго. Дней пять. Да шучу, шучу. Скоро дойдете. Флаг вам в руки и якорь в жо..., ну вы поняли куда.

— Ну, бывай мил человек! И ты это, завязывай давай, барские земли удобрять дерьмом своим. Добром это не кончится, — Атос знал что посоветывать.

Четверка мушкетеров выдвинулась в направлении, заданном встреченным засранцем. Шли без всяких злоключений, порядка часа. С каждым шагом, места становились все узнаваемее и наконец беглецы оказались у ворот Сент — Антуан, которые находясь под защитой пушек Бастилии, связывали центр города с предместьем Сент — Антуан, куда и вывел потайной ход, просверленный Монте — Кристо.

«Любуясь» стенами тюрьмы снаружи, друзья ощущали себя вновь рожденными, однако чувство самосохранения не позволило им, в достаточной степени насладиться красотой исправительного заведения, поскольку нужно было «рвать когти» и чем раньше — тем лучше.

Окольными путями добрались до мушкетерских казарм. Согласно распорядку дня, никто уже давным — давно не спал и каждый занимался каким — либо полезным делом. Несколько человек подметали мостовую, поднимая огромные клубы пыли, сквозь которые можно было заметить, блюющего у входа в казармы опытного уже вояку, накануне похоже переборщившего со спиртосодержащими напитками, различной степени крепкости. Тут — же, компания друзей играла в карты. Кто — то соревновался в мастерстве фехтования и точности метания ножей, а кто — то, пристроившись у забора, ссал, отбросив всевозможные приличия. В общем все были при деле.

Атос недовольно поморщился. И такому проявлению чувств заслуженного мушкетера, были свои причины.

Глава 3. Под крылом де Тревиля.

Тут, несколько отклоняясь от повествования, нужно отметить, что суровые, трудовые будни графа де Ла Фер, всегда несколько отличались от рабочего графика остальной мушкетерской братвы.

В то время, как великое воинство, пробудившись по утру в казармах, в едином порыве мыло рожи, а так — же другие, не менее важные участки человеческого организма, а затем приступало к физическим упражнениям, после чего готовилось к первому приему пищи, знатный граф, с дебютными лучами солнца, а бывало и чуточку пораньше, но как правило значительно позднее, тут все зависело от количества принятого накануне успокоительного, так вот, с дебютными лучами восходящего солнца, граф продирает глаза и хаотично вращая лупарями, искал вокруг себя, чем бы подлечиться. Дальнейшее развитие событий этого уважаемого дядьки, могло пойти по двум сценариям.

Первый — Атос находил опохмелин и незамедлительно им пользовался, начиная исцеляться от обуявшей его хвори. После произведенной процедуры, больной ложился на кушетку и прислушивался к своему бедовому организму. Данный, внутренний диалог, мог длиться как пять минут, так и несколько часов, если граф вновь засыпал. Организм мог прошептать своему хозяину:

— Достаточно дружок! Ты в норме! — или:

— Больной, Вам необходима еще микстура!

В обоих случаях Атос приступал к поиску волшебного эликсира. Отыскав необходимый продукт, мушкетер пил до беспамятства несколько дней, занимаясь самолечением. Ужравшись в уматину, проводя профилактические беседы с самим собой, нес он полнейшую хрень, а после горлопанил всегда одну и ту же песенку про графский замок и пруд в нем:

— Есть в графском парке черный пруд,

— Там лилии цветут! — затем сбивался и гундосил:

— А я в пруду для Лилии, Лилии, Лилии
— Сорвал три белых лилии, три лилии сорвал.

Когда силы покидали певчего, он долго мычал, уставившись на пустой стакан. Вдоволь насмотревшись на неодушевленный предмет, алкоголик какое — то время общался с ним, затем вновь впадал в ступор, выматывал себя попытками достать языком до кончика носа, после безуспешных попыток падал на пол и вытирая брюхом грязь и пыль, полз от стены к стене и обратно, активно перебирая руками, периодически «включая» ноги и изображая плавание стилем кроль.

Наплававшись до изнеможения, граф де Ла Фер уставал и после спортивных упражнений наступала пора занятий интеллектуальных. Мушкетер становился на четвереньки и начинал дико выть, аки волк, после чего оббегал все углы и метил территорию, высоко задирая правую заднюю конечность, забыв при этом снимать портки. Надувшись от души, граф лишался остатков сил, воли и вдохновения, терял всякий интерес к происходящему, успокаивался и засыпал, там где его настигало озарение.

Не наблюдая своего приятеля на службе несколько дней, Арамис, Портос и Д'Артаньян начинали бить тревогу, понимая на что способен их товарищ и осознавая в какую алконирвану он провалился. Друзья — мушкетеры бежали к нему домой и находили Атоса пьянющим в дупель, обгаженного и обрыганного, больше напоминающего свинью, нежели человека разумного. Обнаружив приятеля в столь похабном виде, вызывалась спецбригада докторов и уборщиков. Пока одни мыли дом и стирали обхезанную одежду, другие промывали болезному желудок через рот и кишечник через зад.

От экскурса в нелицеприятные жизненные перепитии графа де Ла Фер, вынужденно возвращаемся в суровую действительность происходящей реальности.

Атос недовольно поморщился. Странно. Ни одного знакомого лица, из находящихся здесь в казарме мушкетеров не удалось заприметить. Ни одного! Непонятка!

Направили свои стопы в резиденцию де Тревиля. Достаточно скоро преодолели необходимое расстояние и оказались в конечной точке своего маршрута.

Двор особняка капитан — лейтенанта, расположенного на улице Старой Голубятни, походил на лагерь уже с шести часов утра летом и с восьми часов зимой.

Человек пятьдесят или шестьдесят мушкетеров, видимо сменявшихся время от времени, с тем чтобы число их всегда оставалось внушительным, постоянно расхаживали по двору, вооруженные до зубов и готовые на все. Однако и среди такого количества служивых, узнаваемых образин не нашлось.

— Что за хрень? Ни одной знакомой рожи? — сказать, что Портос был удивлен — не сказать ничего.

— Не к добру! — емко заметил Атос.

Протискиваясь, между бестолково слоняющимися туда и обратно единомышленниками, проникли в Альма — матер мушкетерского содружества — кабинет де Тревиля.

В приемной, четверку друзей встретила смазливая, но абсолютно незнакомая им секретарша, которая категорически не хотела пускать подчиненных, к своему высокому руководству и голосила так, что слышно было за пару кварталов.

Дабы преодолеть эту незначительную преграду, пришлось воспользоваться чучелом крокодила, двинув им по хребту мамзели, после чего аллигатор потерял отвалившуюся голову а дамочка сознание. Глупышку аккуратно связали и заткнули говорильню кляпом, придуманным из грязного, почти черного, месяц не стиранного платка Арамиса. После всех манипуляций вошли к шефу.

— Японское бездорожье! — только и смог произнести Д'Артаньян.

Жан — Арман дю Пейре, граф де Тревиль, капитан — лейтенант французских королевских мушкетёров, находился у себя в покоях в совершенно непотребном виде.

Он, расположившись на полу, в позе эмбриона, знатно храпел, разя жутким перегаром, накрывшись по пояс сверху, сорванной занавесью. Неизвестно имелась ли на уважаемом вельможе одежда, не совсем угадываемая под импровизированным одеялом, однако все что наблюдалось ниже заканчивающихся на талии занавесей, было выставлено совершенно открыто на показ. Штанов, собственно как и нижнего белья на графе не было совсем, впрочем как и одного сапога.

Атосу, Д'Артаньяну, Портосу и Арамису, видеть свое непосредственное начальство в шикарном настроении и разухабистом расположении духа приходилось достаточно часто — практически еженедельно, но что — бы вот так — в полном невменозе, такого конечно не было никогда.

Поначалу малость ошалели от увиденного. Слегка опомнившись и взяв себя в руки, Портос, как самый смелый из всей четверки, подойдя к де Тревилю, вылил тому на голову воду из кувшина, вместе с цветами, освободив место на столе у камина. Ноль эмоций. Абсолютно! Тогда великан, слегка пнул начальство в пузо. Жан -Арман дю Пейре закричал, поморщившись встал сначала на одно колено, а потом и в полный рост, разглядывая все вокруг себя ослепленным взором, затем отошел в угол, полил естественным способом растущую в большом горшке пальму и усевшись за свой стол промолвил:

— Вы ко мне господа? По какому вопросу? Если по процедурному — сразу «кругом» и пошли на хер!

— Шеф Вы не узнали нас? Это же мы, Ваши любимые подчиненные, — Атос улыбнулся широко, как только мог. Получилось конечно мрачно, учитывая пару отсутствующих по уважительным причинам зубов, но на это никто не обратил внимания.

Тревиль встряхнул, мутноватой еще головой и вроде как прозрел:

— Свины вы свиньи! Ну где — же вас носило столько времени? Я же из — за вас не ем и не сплю уже какой день. Кстати, а какой сегодня день? Мне же к королю надо срочно. Было пятого числа. Надо было. Пятого числа. К королю. Слушай земля, эммм, вот ты, ну как тебя, пухляш — какое сегодня число?

— Я Портос, — понимая, что шеф забыл его имя, помог начальству мушкетер, — а число нынче на дворе — двадцатое.

Крик страдания, боли и безысходности вырвался из груди капитан — лейтенанта мушкетеров Его Величества:

— Ссученный бабуин! Слышь Обсос, а толстяк не бздит случайно? — обращение, в котором проскальзывала надежда, относилось к Атосу, который поспешил обрадовать руководство:

— Атос к Вашим услугам! Осмелюсь доложить, что сегодня с утра действительно было двадцатое число.

Отчаянию де Тревиля не было предела:

— Ааааа! Мне кукарелла! Может меня уже с должности сняли, а я ни сном ни духом, — после этих слов старый вояка идиотски засмеялся и принялся бегать по комнате в поисках штанов. Портки нашлись в противоположном углу, однако были нечеловечески обгажены и свернутые в комок, смердили так, что капитан — лейтенанта едва не стошнило.

— Фу! Ну и гадость. Мадлен! Мадлен! — заорал де Тревиль, призывая к себе секретаршу, которая не имея физической возможности повиноваться призыву, мычала заткнутым ртом в соседней комнатенке.

— Вот зараза, уволю профурсетку. Портос, снимайте свои шаровары. Нет, труханы не надо. Да пошевеливайтесь же. И конвой вызовите кто —нибудь.

Выслуживающийся перед руководством Д'Артаньян, ломанулся из кабинета, вопя на ходу:

— Конвой! Конвой, мать вашу! Быстро к капитан — лейтенанту.

Конвоиры прибежали достаточно скоро и ждали приказаний, стоя на вытяжку, рядом с валяющейся на полу, обездвиженной Мадлен.

А в это время, в кабинете за стенкой происходило следующее — де Тревиль, достигший максимума в своем паническом настрое, метался из угла в угол голоса:

— Я должен быть предельно трезв! Предельно трезв! Предельно! Уволят ведь. Давно уже этот гад Ришелье на меня зуб точит. Возьмут и уволят. Эти могут. Сапог, где мой второй сапог? Это диверсия. Как пить дать диверсия.

После этой фразы, шеф всех французских мушкетеров остановился, словно что — то вспомнив, подошел к висящему на стене шкафчику, открыл его и достал флакон емкостью примерно в пол литра, правда початый. Судя по внешнему виду, в сосуде находился коньяк.

Поискав глазами стакан и не найдя его, граф де Тревиль из горла отхлебнул половину спиртосодержащего напитка, присутствовавшего в стеклянной таре. Проглотил. Выдохнул. Смачно рыгнул и довольный собой, приземлился в кресло, не переставая глуповато лыбиться. Сделав еще один внушительный глоток, он прикрыл глаза и просидев так минут пять, просидел еще минут пять, возвращая себе состояние душевного равновесия и флегматизма, после чего умиротворенно, даже несколько лениво изрек:

— Да пошло оно все в жопу. Не пойду никуда сегодня. Что я, бобик какой, носится туда — сюда, туда — сюда, туда — сюда, туда — сюда.. — заклинившую пластинку прервал вежливый Арамис:

— Граф, все будет хорошо! Не бойтесь, мы с Вами. Кстати, а где остальные мушкетеры, с которыми мы несли службу? Где Шордос, где Гонтос, Матрос, где в конце то концов Дуралис?

— Всем им пи. дец! — де Тревиль сейчас, в минуту хмельного релакса был немногословен.

— И Квардосу и Папандосу и Попердосу. Бурамиса вообще повесили за ноги как собаку, — продолжал старый вояка, отхлебывая из бутылки.

— Что же произошло, почему с мушкетерами так обошлись? Без должного уважения. А главное — кто мог такое совершить? — Атос не мог поверить в услышанное.

Прикончив бутылку и отбросив пустую тару в угол, капитан — лейтенант не счел необходимым продолжать беседу, отдав общий приказ:

— Всем спать мутанты! — и сам первым же приступил к его выполнению.

Искренне любясь своим командиром, четверка мушкетеров зависла в нерешительности от осознания неочевидности дальнейшего бытия. Проще говоря, никто не знал, что делать дальше.

Вышли в приемную, развязали хрюкающую секретаршу. Дали легкого леща, дабы не орала и стакан коньяка, найденного в закромах де Тревиля.

Милаха «скушала» стакашек одним махом и опала как озимые. В силу создавшихся обстоятельств, приемную пришлось закрыть до лучших времен. В мушкетерские казармы решили не идти, а завалились спать рядом со своим руководством, предварительно употребив все запасы алкогольной продукции, найденной в занимаемом помещении.

Утро выдалось беспокойным. Первым, пробудился опытный в питейных делах капитан — лейтенант:

— Мадлен! Мадлен! Квашня малохольная, ты где? — завопил он нечеловеческим голосом.

Все повскакивали, а из приемной примчалась взъерошенная, придерживающая обеими руками раскалывающуюся голову секретарша:

— Слушаю Вас господин граф!

— Ты пьяная что — ли? — с этими словами Тревиль поровнялся с зеркалом и лицезрея свое отражение, на котором, нужно отметить как и на первоисточнике, полностью отсутствовал гардероб ниже пояса, завис как вкопанный:

— Едрен бульон! Вот это композиция! Это какой — же мудило укутал меня в занавески? — продолжал философствовать начальник мушкетеров, смахивая с себя шторы.

— Когда мы пришли, Вы уже без порток валялись, — Атос решился обратиться к шефу. Тот вздрогнул от неожиданности и вскрикнул:

— Изыди тварь! — затем оглянувшись и увидев остальных подчиненных, узнал их и припечатав задницу в любимое кресло спросил:

— Вы откуда здесь, морды лошадиные?

Арамис, взмахом руки осадил одновременное блеяние своих друзей и поведал Жан — Арману дю Пейре, графу де Тревилю полную историю путешествия в Россию и обратно, приукрасив в свою естественно пользу, пару, тройку исторических моментов.

От услышанного Тревиль настолько ох. ел, что велел Мадлен бешеной стрекозой лететь в ближайший трактир за коньяком. Все рассказанное подчиненными, никак не могло уложиться, в его измотанном алкогольными возлияниями мозгу:

— Это, это, это волюнтаризм какой — то! Без пол литры, ни в жизнь не разберешься.

Разбираться и не стали. Сидели молча, пока тишину не нарушил Арамис:

— Командир, скажите, а где же все — таки все наши друзья — сослуживцы?

Де Тревиль нехотя, преодолевая душевные мучения и внутренние страдания произнес:

— Сдохли!

— Все?

— Ага! Все!

— Но их же было 350 человек?

— Вот все 350 и сдохли. За вычетом вас четверых. Повезло считай. Отскочили.

— Гребун косопузый! Это чем же вы тут без нас занимались, что все передохли? А с гвардейцами кардинала что?

— То — же все сдохли!

— 800 рыл?

— Ага!

— Гребанная кочерыжка!

Тут диалог Тревиля с Арамисом был прерван, вернувшейся с полной авоськой бутылок Мадлен. Сухо поблагодарив, секретаршу отправили за чистыми штанами для капитан — лейтенанта, а сами разлив коньяк по фужерам, чокнулись и прозвучал тост:

— Ну! За то, что повезло!

Предводитель мушкетеров замахнув, сразу налил себе еще бокальчик и тяпнув в однеху, молча, без всякого тоста, уселся поудобнее, хитро взглянул на подчиненных и не без сарказма изрек:

— А вы бродяги вовремя слиняли. Чуйка у вас будь здоров работает! Молодцы! А кардинала мы нагнем. Или я не Тревиль, — тут доблестный вояка стукнул кулаком по импровизированному столу и поведал обществу, все перепетии изничтожения мушкетерами короля — гвардейцев кардинала, гвардейцами кардинала — мушкетеров короля и истребление бойцами швейцарской гвардии — оставшихся в живых и мушкетеров и гвардейцев. Всех до единого. Единственное, о чем умолчал старый хрыч, так это о том, что санкцию на отлов, незамедлительный отстрел и полное изничтожение, оставшихся в живых после кровопролитных боев между собой королевских мушкетеров и кардинальских гвардейцев, Тревиль вместе с Ришелье подмахнул в пьяном угаре, во время совместной примирительной попойки.

Когда двум высокостатусным бухарикам, на утро сообщили о том, что у них в подчинении больше никого нет, те сначала опешили, потом охренели, потом нажрались и уже на следующий день, протрезвев, испарились из города на время, с королевских глаз долой. На всякий случай.

Потихоньку все улеглось. Набрался новый штат мушкетеров и гвардейцев. Штат новый, а вражда между ними осталась старая.

— А кардинала мы нагнем! — закончил свой рассказ де Тревиль. Почему — то, ему вдруг вспомнился их с Ришелье, третий постоянный собутыльник — герцог де Шеврез. Личность, между прочим весьма занимательная и разносторонняя, которую мы, может быть не совсем заслуженно обошли упоминанием в предыдущих частях нашего повествования.

Глава 4. Забытый персонаж

Исправляюсь.

Итак Клод Лотарингский, принц де Жуанвиль, герцог де Шеврез, пэр Франции, великий камергер Франции, великий сокольничий Франции. В отличии от своей женушки — Марии де Роган, которая без мыла могла залезть в любую задницу и являясь фавориткой королевы Анны Австрийской, принимала участие во всех политических интригах при дворе короля Людовика XIII, что явилось фатальной ошибкой и привело подлую аферистку на эшафот, вел размеренный и светский образ жизни. Имея в друзьях и кардинала Ришелье и графа де Тревиля, любил герцог де Шеврез проводить время с приятелями, распивая спиртные напитки, играя в карты и махая легкомысленных и распутных девок. Сутками напролет, мог он предаваться этим безобидным забавам, совершенно не уставая от них. Однако, когда служебные обстоятельства заставляли капитан — лейтенанта королевских мушкетеров и Его Высокопреосвященство убыть, для решения важных государственных проблем, вот тут — то пэр Франции и начинал одиноко грустить в своем поместье, обуреваемый невиданной апатией ко всему. Для слуг и обитателей замка, наступали тяжелые времена. Пережить которые удавалось далеко не каждому.

На время отсутствия своих друзей — колдырей — синюшников, любимым занятием Клода Лотарингского становилась охота. Упиваясь вхламину, принц де Жуанвиль, герцог де Шеврез, пэр Франции, великий камергер Франции, великий сокольничий Франции раздевался до гола, разрезал простыню, одевал ее через голову как балахон и улюлюкая убегал в лес.

Вся проживающая в поместье прислуга, побросав текущие дела, должна была руки в масле — жопа в мыле, приступать к поискам великовозрастного идиота. Отыскать которого, желательно было до того как его обнаружат и сожрут волки, медведи или кабаны. В противном случае, всем можно искать новую работу. И это при самом козырном варианте. А при самом пиковом — всех перевешают в этой — же лесополосе.

Поэтому и искали затаившегося герцога не на страх а на совесть. Иногда великий камергер, с безумными, выпученными от страха глазами, протрезвевший вмиг, сам выбегал из леса гонимый каким — нибудь диким хищником.

На этом, авантурные прятки прерывались на несколько дней, в силу проведения спиртовых процедур, призванных восстановить пошатнувшуюся нервную систему одной из сторон.

Однажды, пребывая в состоянии легкой эйфории, находясь под серьезным воздействием лекарственного восьмидесятиградусного раствора, Клод Лотарингский угнал из стойла корову, оседлав парнокопытное и направив животное в сторону поля. И если, изглоданные волками останки бедного животного нашли в лесу на следующий — же день, то веселого вельможу искали достаточно долго.

Обнаружить куражного дядьку смогли только на третьи сутки, посреди бурелома, забравшимся на высоченную сосну, и отдыхающим на одинокой ветке, растущей метрах этак в восьми от земли. Как туда залез, спасенный верхолаз, доставленный в родные пенаты, объяснить не смог даже после выпитой разом бутылки портвейна.

По итогам невнятных рассказней, воспроизведенных натерпевшимся страху любителем острых ощущений, удалось выяснить, что спасаясь то — ли от тигра, то — ли от росوماхи, то — ли от гепарда или рыси, неведомо откуда взявшихся во французских лесах, пэр Франции в скорости на дистанции, превзошел всех представителей семейства кошачьих и куньих, выдав лучшее время преодоления расстояния, необходимого для спасения себя любимого, мчась по пересеченной местности лесополосы.

После, едва не окончившегося для него трагически инцидента, хотел было великий сокольничий Франции, спалить нахрен весь лесной массив, едва не ставший последним при-

ютом для него. Однако искренне, беззаветно любивший животных, в основном зайчиков да кабанчиков и преимущественно в жаренном да запеченном виде, приправленных всякими разными специями, герцог, здраво рассудив, решение свое отменил и придя в состояние умиротворенного равновесия с самим собой, сосредоточился на более приземленных чудачествах.

Одним из которых стала, игра в прятки, слегка модернизированная беспокойным затейником.

Здесь нужно взять паузу и отметить, что герцог де Шеврез был человеком не жадным. После своих небезинтересных, своеобразных но небезопасных игрищ, щедро одаривал он всех, принимавших участие в увеселительных мероприятиях, а особенно пострадавших, коих набиралось весьма приличное множество. Вот и терпела прислуга придурковатость своего хозяина, со страхом ожидая новаторских нововведений.

Итак прятки! По задумке изобретательного самодура, все действие происходило под покровом темноты, исключительно в ночное время суток. Все слуги надевали темные одежды и тщательно обмазывали морды сажей, специально извлеченной из печи, по такому случаю. Ту — же процедуру проделывал и хозяин поместья, только харю не размалевывал. Колющие и режущие «приспособы» заранее изымались и прятались в надежное, труднодоступное место. Допускалось иметь при себе деревянные инструменты — скалку, небольшой дрынок или обреза черенка от лопаты. Металлические ударные предметы категорически не приветствовались. Голову желательнее было покрыть труднопробиваемым либо максимально смягчающим удар материалом. Кусаться, царапаться, выдавливать глаза, равно как и коллективно душить одного, категорически запрещалось.

После того как необходимые меры предосторожности бывали приняты, начиналось само таинство процесса. Участников было много. Делились на две команды. Особо с разбивкой не заморачивались, поэтому в одну входили мужики, а в другую бабы, все здоровенные как мужики, а иной раз и поболее.

Тетушек, было в разы больше чем их анатомических противоположностей. По факту готовности противоборствующих сторон, во всем замке гасился свет и пафосно произносилось одно только слово — служащее сигналом к началу веселого расколбаса:

— Ебаш. есь! — и тут такое начиналось!

В полной темноте народ разбегался кто — куда. Правила были просты до примитивизма. Лица мужского пола, должны отыскать особей пола женского. И наоборот. При обнаружении «лопуха», рекомендуется пользоваться, находящимися при себе вспомогательными средствами и легонько покарать найденного неумеху.

В полнейшей темноте, предметы индивидуального и массового поражения, в умелых руках представителей противоборствующих команд, как правило задействовались максимально плодотворно и несли в себе весьма солидную угрозу.

Дабы не обнаружить собственное местоположение и не выдать себя случайным возгласом, мероприятие проходило в полнейшей тишине, которая периодически нарушалась глухими ударами тупых предметов, хрустом ломающихся костных суставов и черепушек, криками боли и звуками падающих тел. Крыли налево и направо. С остервенением. Своих и чужих. Весело, самозабвенно и от души. Практика проведения подобных турниров показывала, что с момента начала встречи и до «финального свистка» укладывались в пол часа максимум. По затихающим звукам борьбы, прячущийся Клод Лотарингский понимал, что кульминация вечеринки близка, выходил из потайного местечка и провозглашал:

— Амбец!

Личный порученец, не принимавший участия в бойне, обходил дворец и зажигал свечи. После этого подсчитывался ущерб, нанесенный покоям герцога, которые после таких вот приключений, приходилось восстанавливать практически заново.

Затем переходили к переписи изувеченных в хлам и еще подлежащих восстановлению геймеров. Убиенных, оперативно предавали земле на заднем дворе, искалеченных — на специально дежуривших у ворот поместья повозках, увозили в Париж на излечение.

Легко раненные, перевязывали друг — друга, после чего все, кто мог держать в руках стакан, усаживались за один общий стол почитать выживших и поминать павших в бойцовской вечеринке. Устроитель гульбища был максимально доволен!

Спортивные мероприятия такого рода, проводились достаточно редко, поскольку на лечение и полное восстановление поврежденных участников, уходило от одного до трех месяцев, в зависимости от степени полученных травм.

Известен случай, когда и сам пэр Франции пострадал, принимая участие в своем любимом детище. Случился сей постыдный эпизод, непосредственно после традиционной фразы:

— Амбец! — произнесенной герцогом де Шеврез, выбравшимся из своего укрытия.

Однако сразу — же после этого, какая — то гнида, притаившаяся в укрытии, расположенном за укрытием великого камергера Франции, отоварила почетного дядьку дрыном по темечку. Получив увесистый и чрезвычайно болезненный удар по башке, ведущий, он — же организатор вечера рухнул, как срезанный автогеном.

При виде своего изобретательного хозяина, лишенного чувств, началась легкая паника. Пользуясь хаосом и всеобщим замешательством, упырь, сотворивший данный беспредел, смешался с толпой и растворившись в ней как капля в море, исчез с места преступления. Контуженного вельможу перебинтовали и отнесли в залу, приходить в себя. Потерпевший приходить в себя не торопился. Агонизируя, он периодически вскакивал с постели и с криком:

— Вперед! В атаку! — срывался с места, бежал, врзался в стену и падал без чувств.

После пятого такого наступления, дабы не превратиться в полного инвалида, Клод Лотарингский, весь израненный в неравной схватке с не сдающейся и неподатливой стеной, был усыплен местным ветеринаром при помощи лошадиной дозы снотворного, во избежании нанесения себе, еще более серьезных увечий.

На восстановление пошкрябанной головы ушел месяц. Никаких озорных игрищ за это время не проводилось. Все копили силы. И здоровье. Слуги то — же времени зря не теряли. Пытались отыскать мерзОту, уделавшую герцога.

Потому как в результате частичной потери памяти последнего, все лишились честно заработанных в подвижных, сближающих коллектив баталиях, премий. Кто — то ценой жизни, кто — то утратой здоровья. Поиски, до поры до времени результата не приносили. И скорее всего, преступный элемент ушел бы от заслуженного возмездия, но дурик сам себя «спалил».

Как — то, на воскресенье пришелся серьезный местячковый праздник. Вся не задействованная в обслуживании господ прислуга, активно побухивала, готовясь к очередной трудовой неделе. Конюх Трюдом, набухивался более активно, относительно других участников «регаты». Уже к обеду, добившись полной деморализации собственного мозжечка, данный неосознательный субъект, в частных беседах стал хвастаться тем, как ловко завалил «гадскую псину» — ну то есть хозяина. А все из — за того, что когда — то тот, находясь в нетрезвом состоянии, видите — ли, посмел сделать Трюдому замечание о его неопрятном внешнем виде, мол:

— Одарил же тебя барана, создатель такой мордой. Это — же ужас, а не рыло! Да свинья и та симпотичнее будет. Ты дикобраз, похоже от обезьяны родился. Таких как ты — дерьмо, сразу топить нужно в колодце ближайшем. Даже не в колодце, а в компостной яме. Что — бы ты говно, своей образиной, людей не пугал. Борода в разные стороны торчит, весь грязный, тьфу, — плюнул в конюха великий сокольничий Франции, а промахнувшись, плюнул вторично и убедившись что попал, пошел дальше по своим делам. А у него — Трюдома обидка то осталась. И гордость выиграла, о которой он никогда и думать не смел и не догадывался, что она у него имеется в наличии.

Собеседники конюха, внимательно выслушав полукриминальную историю до конца, покивали гривами в знак солидарности с таким — же простым пролетарием как и они сами, затем совместными усилиями обездвигили неблагодарного паразита и принесли связанное, малость подрихтованное пинками тело, пред ясные очи хозяйствующего субъекта.

Клод Лотарингский, принц де Жуанвиль, герцог де Шеврез, пэр Франции, великий камергер Франции, великий сокольничий Франции, по первОй, хотел сразу зарубить бездушное, неблагодарное животное, по ошибке родившееся человеком, да еще и именуемое Трюдом, посмевавшее посягнуть на его драгоценную, необходимую для дальнейшего процветания доблестной Франции, жизнь.

Однако, поборов дебютный мстительный порыв и малость пораскинув мозгами, решил отпустить, бывшего уже конюха на все четыре стороны. Точнее будет сказать, что Трюдому, потерявшему доверие влиятельного владыки своего, было велено топтать в сторону лесного массива, никуда не сворачивая. Пожитки и какие — либо личные вещи, брать с собой, ему — мудаку, дискредитирующему честное звание конюха запретили, дали пинка под сраку и вытолкнули за ворота замка.

Тем временем, Клод Лотарингский велел слугам седлать коней и всем экстренно готовиться к стихийно подвернувшейся охоте. Иезуитская идея, которая завелась в шаловливом мозгу вельможи чуть ранее, требовала немедленного воплощения в жизнь. Облава! Ну или охота, смотря с какой стороны посмотреть.

Вот как проходила охота высокоставленных чинов того времени. В проведении данной потехи обычно была задействована основная масса подконтрольных крестьян, большинство из которых выступали загонщиками. По сигналу местного царька, егеря, в течение пары минут, по цепочке передавали друг другу сигнал, и начиналась облава. Жертву загоняли в определенное место, после чего безжалостно забивали. Право первого выстрела либо удара естественно принадлежало человеку, занимающему высшую ступень в иерархической лестнице.

Когда зверь убивался, егерь подходил к добыче, вешал табличку, с именем подстрелившего его охотника и забирал во дворец. Вечером, участники охоты выходили на улицу, где в строго определенном порядке уже были выложены все добытые за день трофеи. От самого крупного — к наиболее мелкому.

В настоящий момент, готовый к охоте герцог де Шеврез стоял возле стены с оружием и выбирал — из чего он прикончит этого.. как его ...да, в общем не важно как его. Взгляд скользнул по луку со стрелами и переключился на арбалет, затем на аркебузу, пистолет, ружье и наконец остановился на крупнокалиберном мушкете.

— Вот из этого красавца я и завалю поскребыша! Вдрызг! Одним выстрелом! Половина конюха в одну сторону, половина в другую, как раз и на похоронах сэкономим, — мечтательно произнес пэр Франции.

Бывший конюх Трюдом, хоть и был туп до неприличия, однако стоя за воротами замка и почесывая задницу, сообразил, что не нужно идти в лес. Нужно бежать. В лес. И ломанулсЯ со всей дури. А дури в нем было немерено. На троих хватило бы.

А внутри замка, перед воротами так — же происходили небезынтересные события. Хозяин поместья, периодически прикладываясь к горлышку бутылки с коньяком, давал инструктаж слугам, задействованным в охоте:

— Обращаю ваше внимание, что мне эта дикая тварь нужна живой. Я сам ее казню. Что — бы в другой раз ей неповадно было дурость такую замыслить.

Затем герцог разделил своих людей на три, примерно равные группы и продолжил вводную для каждого из подразделений:

Ваша группа — гОните его с правой стороны, вы — с левой. Остальные — со мной. Загоняйте эту падаль неповторимую к опушке, где месье Жак висит, которого в прошлом году случайно застрелили и пришлось его вздернуть для отвода глаз. Вперед дети мои! Не упустите эту

паскудину, выведите ее на меня, и вы доставите своему благодетелю самую большую радость в жизни. Естественно, всех ждет весьма серьезное вознаграждение!

- Ура! Ура!
- Порвем как тузик грелку!
- Отомстим за хозяина!
- Смерть иуде!
- Собаке — собачья смерть!

Ворота замка отворились и восторженно галдящая, предвкушающая скорое зрелище процессия, высыпала на оперативный простор. Согласно утвержденному плану, одна часть ловцов, верхом на лошадях рванула к лесу по правому флангу, другой отряд — по левому. Сам главный охотник не спеша гарцевал на породистом скакуне в окружении свиты.

Исполнительный Трюдом, не имея даже мысли послушаться приказа, уже подбегал к лесу. Инструкций на дальнейший счет не было, поэтому едва очутившись под кронами первых деревьев, бывший конюх естественным путем, обильно полил, цветущий здесь — же куст багульника, сел в теньке огромного дуба и начал ждать, всматриваясь в ту сторону, откуда только что примчался. Спроси его — чего он ждет, не ответил бы все равно.

На его глазах открылись ворота крепости и толпа бывших сослуживцев и друзей тоже устремила в сторону леса. Все они были необычайно возбуждены.

Провинившийся конюх несколько минут настороженно вслушивался и внимательно всматривался в происходящее, а затем неожиданно осознал:

— Похоже, что великодушный хозяин простил и послал за мной, и это весьма логично. Нелогично было — бы потерять такого ценного кадра. Такими профессионалами своего дела не разбрасываются. Может еще и наградят.

Родившаяся в тупом разуме гениальная мысль, заставила Трюдома подняться, выйти из леса и пойти навстречу людям, размахивая над головой руками и громко вопя, стараясь привлечь к себе внимание:

— Друзья я здесь, здесь я!

Его явно заметили. И ускорились. А несусветный кретин продолжал движение к своему финальному апогею. И только когда из общего гула уже можно было отчетливо различить:

— Хорошо, что сам вышел скот, долго искать не придется! Лови макаку! — конюх понял, что совершил трагическую ошибку. Может быть даже последнюю, в своей никчемной и бесполезной жизни. Он развернулся и снова побежал в лесную рощу. Небольшая фора во времени все — таки еще была.

Преследователи профессионально обходили справа и слева, сужая кольцо вокруг жертвы охоты.

Клод Лотарингский со своим отрядом, добрался до полянки где висел месье Жак и стал спокойно ждать, когда на него выгонят этого... ну как его... да впрочем и не важно как его. Расположившись за расставленным прямо на земле столом и покончив с коньяком, размеренно вкушал теперь он бургундское вино, сопровождая напиток фруктами с собственного приусадебного хозяйства.

По прошествии минут этак двадцати, послышались первые звуки и приближающиеся голоса. Речь становилась все громче и наконец на опушку высыпали доблестные загонщики, которые, как когда — то их доисторические предки, тащили связанного саблезубого тигра, так — же сейчас волокли Трюдома. Привязанная за ноги и за руки туша его, висела под огромной дубиной, которую на могучих плечах легко и непринужденно несли два здоровенных амбала.

Заканчивающего свой жизненный путь бывшего конюха развязали, прислонили к огромному дубу, на котором кстати метра на три повыше и болтался в петле, упомянутый уже чуть ранее месье Жак и приказали стоять, ждать и не рыпаться. Беспрекословное подчинение при-

казам хозяев, с детства было в крови у прислуживающего персонала, поэтому «терпила» стоял молча и ждал продолжения банкета.

Если бы его спросили — чего он ждет, то и на этот раз не ответил бы все равно.

Метрах в десяти от дуба, герцог де Шеврез, наевшийся от пуза, готовился произвести первый выстрел, дав старт расправе над мерзким утырком. Подданные, воткнули в землю упор для мушкета и водрузили на него само орудие возмездия. Пэр Франции дал команду передвинуть смертоносную «дуру» метров на пять, максимально приблизив к гаденышу.

Конечно можно было — б приставить дуло непосредственно ко лбу жерты, но инквизитор опасался быть забрызганным мозгами безмозглого пентюха. А Клод Лотарингский собирался шамальнуть так, что — бы бошкА поганца лопнула как гнилой арбуз.

Мушкет, весивший что — то около десяти килограмм и имевший внушительный калибр, весьма гармонично смотрелся в этом милом уголке природы. Дополняли пейзаж слуги, создавшие вокруг пэра Франции и мудака Трюдома, трясущегося у дерева, полный, замкнутый круг.

Герцог обошелся без всяких прелюдий, обвинительных речей, заслушенных оправданий и прочих ненужных формальностей. Он приказал оруженосцу подать подушечку и запалить фитиль. Подушку, стрелок пристроил между плечом и прикладом, дабы хоть как — то смягчить невероятную отдачу от выстрела. Тлеющий фитиль, быстро приближался к фитильному замку. Обливающийся потом конюх, зажмурил глаза и стравил воздух.

Страшно улыбаясь, великий камергер Франции с победным криком:

— Получай грязная свинья! — нажал на спусковой крючок.

Оглушающе рывкнул мушкет, стрелкА отбросило назад метра на два, опушку заволокло дымом, а стоящий метрах в трех справа от дуба, то — же теперь уже бывший садовник Симон, упал, сраженный мастерски произведенным выстрелом.

Обоссавшийся Трюдом, перепрыгивая через пригнувшихся наблюдателей расправы, рванул в лесную глушь, не став дожидаться второго выстрела. Все бросились к катающемуся по траве, стонущему хозяину. Подняли и поставили на ноги. Герцог огляделся и не найдя того, ради кого собственно все здесь и собрались, грозно заверещал:

— Где этот скунс протухший? Все за ним. Найдите мне подлючего мракобеса. Принесите этого членистоногого, живым или дохлым. Ату его! Ату! — провозгласив грозный клич, пэр Франции приказал собирать пожитки и возвращаться в замок. Ему стало скучно.

Лицензия на отстрел животного была получена и основная масса преследователей ринулась в гущу леса, что — бы найти и покарать вражину.

На опушке, где еще совсем недавно была огромная масса народа, не осталось никого, кроме скучного дохлого садовника. Естественно бывшего. Возиться с Симоном, в плане захоронения не стали, добавлять в пару к месье Жаку тоже, здраво рассудив что и так звери сожрут.

Скучающий в родовом поместье Клод Лотарингский, принц де Жуанвиль, герцог де Шеврез, пэр Франции, великий камергер Франции, великий сокольничий Франции, умеренно побухивая, терпеливо ждал возвращения охотничьей группы с трупом и докладом. Ждать пришлось достаточно долго. До позднего вечера. Наконец бравая команда вернулась с опасного задания. Вернулась в сильно укороченном составе. А при подведении итогов дня, в докладе были обнародованы следующие цифры:

Потери в живой силе составили: убитыми — 12 человек, пропавшими без вести — 7 человек, раненных, покалеченных, покусанных — 22 человека. Трюдома найти и «помножить на ноль» не удалось. Точнее, найти удалось, угробить не успели.

От озвученных данных герцог опиз. инел!

При восстановлении хронологии событий, все выжившие путались в точности показаний, однако лейтмотив все — таки в основной массе был общим, а именно — убегая от погони и будучи уже почти захваченным, Трюдом в полном отчаянии, оглянувшись и демонстрируя общеизвестный оскорбительный жест, выражающий отказ кому-либо в просьбе, заключаю-

щийся в сгибании правой руки в локте примерно на 90°, при котором левая кисть кладётся на локтевой сгиб правой, а правая рука быстро сгибается, или наоборот, с победным криком:

— Что, взяли конюха? Вот вам! — нырнул в медвежью берлогу. Загонщики от такой безобразной и несусветной тупости несколько опешили и остановились прислушиваясь. Тишина полнейшая. Посоветовавшись, поняли, что берлога брошенная. Смело шагнули внутрь. Зря конечно!

Картина, что открылась взорам смельчаков, поражала воображение своей неправдоподобностью. У одной стены, на жопках ровно сидели три медвежонок, напротив них у другой стены, сидел, осознавший допущенные на протяжении всей жизни ошибки и просчеты Трюдом, который приложив указательный палец к губам шептал, глядя на молоденьких хищников:

— Тсссссс!

Медвежатки, офигевшие в первые мгновения, потихоньку приходили в себя и подходя к человеку, активно обнюхивали, теперь еще и обосравшегося *Homo sapiens*. Трюдом, впавший в транс, продолжал шипеть:

— Тсссссс! Тссссссс!

Один медвежонок лизнул его в лоб. Другой легонько лапой двинул по плечу. Бывший конюх отлетел к дальней стенке укрытия. И тихонько застонал. На что, один из медвежат тихонько зарычал. Ну, в общем то и все! Бздец всем. Рычание маленького косолапого, услышала мать — медведица, прогуливающаяся по своим делам, совсем неподалеку и поспешившая на выручку своему потомству.

Никто даже убежать далеко не успел. Хотя Трюдом успел выпрыгнуть из берлоги. Спасло его то, что свирепая хищница была занята другими человеческими особями. Из оружия у крестьян были лишь ножи, которыми никто не успел воспользоваться. Жопка направо, жопка налево, взлетали над кустами после ударов медведицы терпящие бедствие горе — охотники. Отсюда и такое количество жертв среди мирного населения.

Какой там Трюдом? Никто про него и не вспомнил, в этой свистопляске. Может и выжил гад.

Гад действительно выжил. В панике рванув куда глаза глядят, долго блуждал он по бескрайним лесным просторам, трое суток утоляя голод подножным кормом. А на четвертые сутки, почти — что выбравшегося из зеленой глуши, оптимистически настроенного лишения насмерть заклевали совы. И дятлы, примкнувшие к своим пернатым братьям, проявив птичью солидарность.

После трагического провала в ходе облавы, Клод Лотарингский затаил недетскую злобу по отношению к медвежьему братству.

И вот, в один прекрасный день, само — собой находясь в изрядном подпитии, решил он устроить косолапым вселенскую «медвежуть». Крестовый поход, так сказать. Вооружившись до зубов, огромной толпой выстроившись в шеренгу, пошла армия мстителей по лесу, внимательно вглядываясь в каждый куст, в каждый подозрительный фрагмент ландшафта. Самым тщательным образом исследовался каждый метр леса. Забредли далеко. Даже очень. Но пока никого не встретили.

Неожиданно настала ночь. Которая и поделила для охотников жизнь на «до» и «после». С восходом луны, заушали совы — убийцы, завывали волки, зарычали медведи, захрюкали кабаны, в общем проснулось и ожило все, что спало, пряталось и не принимало активного участия в лесной жизни до сего часа. Похоже, что в этот исторический момент все зверье, в едином порыве объединилось против царя зверей — человека. И конечно, охотникам пришлось ох как туго!

Звериный улов в ту ночь, был необычайно богат. Не скоро теперь выйдут хищники на охоту. Мясного запаса для пропитания надолго хватит.

Герцог де Шеврез с небольшой горсткой вояк, чудом спасся, с перепугу рванув, в противоположную своему замку сторону. Поблуждав пару дней, благополучно нашли выход. С тех пор, великий пэр Франции стал едва заметно заикаться и просыпаться по ночам в холодном поту, непроизвольно гадя под себя. Ну и конечно в лес больше ни ногой. И все забавы озорные и чудаковатые — только в замке.

Глава 5 Королевский прием

Д«Артаньян, Атос, Арамис и Портос, пользуясь расположением своего руководства, в лице уважаемого господина де Тревиля, а так — же бессовестно спекулируя на беззаветной любви капитан — лейтенанта к крепким, спиртосодержащим напиткам и умело манипулируя этим фактом, еще несколько дней жили в резиденции старого вояки.

Мадлен больше не бегала в ближайшую лавку за «синькой», так как отныне являлась полноправным членом коллектива и пила «горькую» наравне со всеми. Так — же страдала с бодуна и вообще, постигла все прелести классического алкоголизма. Вид теперь она имела весьма жалкий, даже стремный. Огромные мешки и синяки под глазами, наряду с общей опухлостью, красивой некогда мордашки, вкупе с трясущимися руками, наталкивали на мысль о скором присвоении владельцу этого лица и рук инвалидности.

Деньги у веселой компании давно закончились. Когда подошел к концу коньяк, лакали медицинский спирт в чистом виде, затем какую — то непотребную шмурдятину, с которой всех рвало.

После того как последняя мебель в кабинете графа, за исключением одной кровати, была распродана и обменяна на бухло, квасили еще с неделю. Последняя выпитая бутылка символизировала собой окончание праздника жизни. Возвращаться в реалии жизни никто из деятельной банды не торопился, посему после серьезного шмона в приемной графа, был обнаружен небольшой запас портвейна, который впрочем не спас озабоченный повторяющимся похмельным синдромом социум. Спас дружных забулдыг от неизбежного падения на социальное дно и полного разложения как личностей, срочный вызов Жан-Арман дю Пейре, графа де Тревиля к Его величеству королю Франции.

Людовик XIII, не имеющий чести наблюдать капитан — лейтенанта мушкетеров на протяжении последних трех недель, всерьез обеспокоился фактом отсутствия того при дворе. На дом, в мушкетерские казармы и в резиденцию графа де Тревиля были отправлены посыльные, с предписанием тому срочно явиться во дворец, в покои короля.

Получив данную депешу, начальник мушкетеров хотел сразу застрелиться или на худой конец зарезаться, однако не нашел ни пистолета, ни рапиры ни шомпура для проведения обряда самопожертвования.

В процессе сборов вспомнили, что еще в самом начале праздничной вакханалии, «махнули» все оружие на ящик коньяка.

Будучи опытным придворным, идти один к монарху, Тревиль категорически отказывался, посему приказал четырем мушкетерам сопровождать его во время судьбоносного визита.

— Похоже все. Снимать с должности будут. Отслужился, отвоевал свое. Главное что — бы не расстреляли. Хрен его знает вообще, что произошло со страной за время вынужденного затворничества. Может всех уже в плен взяли? — от таких мыслей капитан — лейтенанту становилось совсем худо.

С грехом пополам собрались. Встали перед зеркалом. Е-мое!!! Ужас. Рожи — по другому и не скажешь бордово — фиолетовые, вздувшиеся, глаз не видно из — за обширной отечности, не бритые, не мытые. Одежда вся мятая, грязная, разводы на штанах ниже пояса, спереди и сзади. Ни шпаг, ни пистолетов. Левый сапог де Тревиля так и не нашелся. Пришлось одолжить у Портоса, который в свою очередь, «раздел» на обувь посыльного. Шляп тоже нет. В них справляли физиологические потребности.

Однако приказ есть приказ. Сдохни но умри! Умри но сдохни! Надо идти. Выдвинулись к Лувру. Мадлен оставили прибираться, отсыпаться, похмеляться и приходить в себя.

Дальше ворот королевского замка, процессию не пустила охрана.

— Я граф де Тревиль, командир королевских мушкетеров! — вдалбливал заслуженный вояка, категорически не желающим его признавать церберам, преградившим путь небольшому отряду.

— Ты на себя — то посмотри. Какой ты командир мушкетеров? Чмо чумазое!

— Пи. дец тебе! — Тревиль хватал рукой воздух, пытаясь нащупать на бедре пропитую шпагу и покарать ретивого служаку, но не обнаружив необходимого аксессуара на положенном месте, продолжал жалостливо увещевать:

— Да ты внимательно смотри — я Тревиль, вот фас, вот профиль, — поворачивался он и так и эдак.

— Больше на алкаша похож.

— И у тех четверых морды такие — же пропитые.

— Бухарики местные похоже, — переговаривались меж собой стражники и безоговорочно не желали пропускать мушкетеров на аудиенцию к королю.

Только личное вмешательство Людовика XIII, уже час с интересом наблюдавшего за препирательствами с балкона и приказавшего охранникам:

— Пропустите ущербных! — позволило мушкетерам подняться в приемную короля.

— Я тебе глаз, ссука высосу! — предупредил напоследок де Тревиль главного караульного.

— Сам ты говно! — не остался в долгу тот.

— И это королевские мушкетеры! — думал владыка Франции, лицезрея приближающихся,двигающихся как сомнамбулы, побитых жизнью и алкоголем военнотружущих элитных войск.

— Появившись в дверях королевских покоев, дрожащий как паралитик де Тревиль, попытался внутренне собраться:

— Стой! Раз, два! — неожиданно для самого себя прокричал он.

Пытавшихся устоять по стойке смирно мушкетеров, штырило не по детски. Жуткий отходняк давал о себе знать, напоминая невыносимым дискомфортом, вялостью во всем организме и тяжестью в голове.

Услышав команду, Атос глуповато рассмеялся, Портос громко икнул, Арамис сделал вид, что не расслышал, а Д'Артаньян, стоя в пол оборота к монарху, уже рассматривал, развешанные по всей длине стены картины, преимущественно те, на которых были изображены голые бабы, периодически трогая указательным пальцем женские ягодички.

— Господин король! Мой господин! — Тревиль забыл правила этикета при обращении к монарху.

— Сир! Ваше королевское превосходство! Ваше превосходительство! — продолжал нести полную ахинею, совсем уж растерявшийся капитан — лейтенант.

Тут силы окончательно покинули великовозрастного мудака и он сел на пол, скрестив ноги на турецкий манер и преданно уставившись на Людовика XIII.

Д'Артаньян, подойдя вплотную к одной из картин, с неприкрытым интересом разглядывал шедевр. На полотнище, была изображена внушительная голая задница. Женская. И хотя произведение живописи носило название: «Крестьянка, моющая пол», непосредственно крестьянки на нем было запечатлено максимально мало, зато места отведенного на филейную часть девки, художник не пожалел. Почему автор изображения отразил труженицу с обнаженным пердилищем, да еще и занимающим собой основную часть картины, доподлинно неизвестно, однако большущая срака определенно восхищала и пленила молодого гасконца.

Он отыскал на правом полушарии жопы работницы, небольшую родинку и довольный собой продолжил тщательный осмотр, переключившись на левую половину, а так — же поиск других достопримечательностей и анатомических особенностей мамзели.

Портос, уставившись в пол, занимался любимым занятием, а именно, отреченно ковылял в носу, пытаясь видимо добраться до мозга и почесать его.

Один Арамис, не дыша и не моргая, выпученными глазами смотрел на французского владыку. Король, благодарной, искренней улыбкой отметил поведение будущего аббата, приняв такую его реакцию за благое чинопочитание. Знал бы он, что в это мгновение творится в голове мушкетера. А между тем, там поселилась и засела, не давая покоя только одна мысль:

— Лишь — бы не обосраться! Лишь — бы не обгундоситься! Вот прямо сейчас. Вот прямо здесь. В королевских покоях, — стиснув зубы до скрипа, сжав губы до покраснения и булки до посинения, Арамис героически держался из последних сил. Знали бы присутствующие, чего это стоило мужественному парню.

Как назло, не позже и не раньше, в дверях королевской залы нарисовалась Анна Австрийская, которая, что удивительно находилась в наичудеснейшем расположении духа и с утра уже, бесцельно слонялась по Лувру, терроризируя, страша и пугая всех встречаемых без разбора.

Неожиданное появление королевы, разрядило камерную обстановку. Королевская особа, на носочках безшумно подкравшись сзади к мушкетерам, внезапно дико басом завизжала:

— Демоны!!!!

Моментально, вместе с обстановкой бурно разрядился и Арамис. Страдания его закончились. Сейчас он стоял с блаженной улыбкой на устах и на глазах увеличивающейся бучей в мушкетерских штанах. Людовик XIII мгновенно уловил произошедшие изменения в окружающей атмосфере.

Владыка пребывал в полнейшем восторге от происходящего. Обосраться в королевских покоях, да еще и в присутствии обоих монарших особ, это конечно верх безнравственности. Такого, он даже сам себе не позволял.

Король обвел взглядом своих надежных защитников. Спящий перед ним, прямо на полу де Тревиль. Портос, внимательно изучающий, добытый из недр носоглотики материал. Атос, что — то бормочущий себе под нос и таинственно после этого хихикающий. Арамис, обеими руками поддерживающий фикальные биомассы вместе со штанами. И апофеоз всего происходящего — счастливый гасконец, отыскавший на очередной картине что — то новенькое:

— Семь! Семь родинок на попе насчитал и две бородавки!

— Какие — же уроды! Профессиональные дауны! И этим людям я доверяю свою жизнь, — властелин Франции находился в смешанных чувствах, пытаясь разрешить свой внутренний конфликт.

— Ну нет. Это не дело. Один обдристался на приеме, другой спит как шавка безродная, этот специалист по ягодицам, родинки считает.

— Ля Шене! — Людовик XIII позвал своего доверенного камердинера.

— Я здесь Ваше величество! — тот возник как из под земли.

— Ля Шене, принесите пистолет. Нет! Два пистолета Ля Шене, несите два. И зарядите их.

— Слушаюсь Ваше величество! — слуга удалился исполнять полученный приказ.

В следующие пару минут возник хаос. Мушкетеры, поняв что сейчас произойдет, замесались по комнате. Все кроме Арамиса. Он не мог. Кто — то наступил на голову де Тревиля, разбудив его. Д'Артаньян, с разбегу, рыбкой нырнул в окно, благо оно было открыто и располагалось на уровне второго этажа. Портос убегая, сбил с ног Ля Шене, возвращающегося в покои короля. Пока тот пытался подняться, Атос — не будь дураком, подбежал и послал камердинера в глубокий нокаут, нанеся мощнейший удар носком сапога в паховую область. Жан — Армандю Пейре, граф де Тревиль, отвесив поклон королю, изо всей силы дергал за рукав Арамиса, который, находясь в ступоре, боялся сдвинуться с места и стоял преданно глядя на монарха щенячьими глазами.

— Да и хрен с тобой говняш, — подумал капитан — лейтенант и ломанулся прочь из королевских покоев, на ходу поклонившись и королеве.

Анну Австрийскую, все происходящее чрезвычайно забавляло. Она громко смеялась, прикрывая нос платком и активно комментировала происходящее. Людовик XIII «заразившись» позитивным настроем супружницы и сам перестал хмуриться и огорчаться происходящим действием. Подойдя к Арамису, но все — таки держа дистанцию и стараясь дышать ртом, он произнес:

— Прекратите мокнуть носом юноша! Хватит страдать! С кем не бывает. Ну обделались и обделались. Идите с миром. Приведите себя в порядок. Вымойтесь, постирайте запачканные штаны, а лучше выбросьте их совсем, примите закрепляющее средство, желательно несколько. Вы же мушкетер. А мушкетер — это звучит гордо. Кругом! Шагом арш! — напутствуя засранца, монарх хотел приобнять того за плечи но своевременно воздержался от сиюминутного порыва.

Арамис, автоматически выполняя приказ, неуклюже развернулся и нелепо, как пингвин поплелся к выходу, транспортируя в широварах кило навоза.

Король жестом пригласил подойти, очухавшегося, но все еще держащегося обеими руками за отбитые яйца Ля Шене, прошептав тому на ухо пару слов, после чего камердинер разбежался и со всего размаху отвесил удаляющемуся мушкетеру подсрачник. Чавкающий звук, был показателем точности попадания.

Будущий аббат, через плечо сухо поблагодарил присутствующих монарших особ и поковылял в банные номера для проведения санитарной обработки нижней части организма.

Счастливая королева, как маленькая девочка подпрыгивала, хохотала и повизгивая, хлопала в ладоши. Король, любуясь своей второй половинкой и сменив гнев на милость размышлял:

— С другой стороны, если подумать, веселые ребята. Юморные и находчивые. Побольше бы таких. Рассмешили так рассмешили. Могут же когда захотят. Вон как женушка, в припадке позитива колотится. И Тревиль молодец! А жопасер этот, какой красавчик! Какое самообладание! Как держался! А как вовремя обосрамился. Далеко не каждый на такое способен. Так еще, уметь надо. С минуса на плюс перевернуть все. Молодцы! Одно слово — мушкетеры! Гордость короля! Так — что, не все так плохо.

В это самое время, гордость короля с обтекающими штанами, кое — как выволлок за пределы Лувра свое гузно, с отстрелянным содержимым. Идти было ужасно неудобно.

Тройка друзей и де Тревиль, из — за угла наблюдали за Арамисом. Портос, свистом попытался привлечь внимание товарища. Тот обернулся, но еле перебирая ходунками, продолжил свой нелегкий путь в омывальню.

Де Тревиль велел подчиненным догнать и сопроводить в банные номера, своего подмочившего репутацию друга, а сам направил стопы в ближайший трактир. Пожар в душе, требовал срочного вмешательства, путем тушения его пивом, портвейном и коньяком. Желательно в компании податливых амазонок.

Арамис не спешил. Он и не смог бы двигаться быстрее, даже если — бы очень этого захотел. Друзья посмеиваясь, подшучивая и подначивая, шли за ним, держась на почтительной дистанции. На всякий случай не сближаясь. Оттепель в настроении короля никто из них не имел возможности лицезреть, в силу раннего оставления позиций.

Засранец несколько раз останавливался, глядя на друзей и кивком головы приглашая их подойти. Троица мгновенно бросалась в рассыпную. Один перебежал на противоположную сторону улицы, другой ронял платок и долго его поднимал, третий делал вид, будто развязывает веревку на штанах, собираясь поссать прямо на булыжную мостовую.

Пожав плечами, брошенный всеми мушкетер, одиноко продолжал движение. Прочухав, что никто их не преследует и не следит за ними, Д'Артаньян, Портос и Атос догнали друга и дальше шли уже все вместе. Ну как вместе — три мушкетера шли впереди Арамиса, поскольку

идти с ним рядом, а уж тем более позади, не представлялось никакой эстетической возможности.

По пути, рассуждали о предстоящем времяпровождении в банных номерах. Поскребли по карманам — пустота торичеллиева, ни лиры. А бесплатно в помывочную никто не пустит. Да и на «сухую» идти — так себе вариант. Выпивки с собой прихватить не мешало — бы. Выход из безнадёжной ситуации был оперативно найден Портосом:

— Мужчина! Мужчина! Да, да вот Вы в зеленых штанишках! — крикнул он впереди идущему человеку, гражданской наружности. Тот удивленно оглянулся, но остановился:

— Это Вы мне месье? — спросил он великана.

Здоровяк, не отвечая на приветствие и подойдя к незнакомцу, задал несколько необычный вопрос:

— Уважаемый, я вижу Вы человек весьма приличный. Не подскажите где здесь королевская библиотека?

— Извините, я не местный, — прозвучал ответ от человека в зеленых штанах.

— Бывает, — неопределенно ответил, еще больше обрадовавшийся, полученной информацией Портос и взяв очумевшего гражданина за локоть, потянул в ближайшую подворотню, откуда вскоре, послышался звук похожий на удар, легкий вскрик и предположительно шум обмягшего тела.

Мушкетер показался с загадочной улыбкой на физиономии и внушительным портмоне в руках:

— Ну вот и порешали, — обрадовал он друзей и все направились в лавку за алкогольной продукцией, а Арамис поплелся отстирывать и смывать трудности, невзгоды и перепетии последних дней, со своего героического организма.

Когда закупившие пива и коньяка мушкетеры, прибыли в банный комплекс, их друг уже щеголял отмытой жопой и находился в состоянии, смиренного ожидания возвращения собутельников. Стиранное белье висело здесь — же на веревке. Сушилось.

Начали с пива. Продолжили коньяком. Заканчивали, чередуя оба напитка, как — бы накладывая их слоями друг на друга и непонятно было, то — ли пили коньяк, запивая пенным напитком, то — ли лакали пиво, шлифуя коньяком. Д'Артаньян, Портос и Атос до помывки так и не добрались.

Приканчивая последнюю бутылку, трезво решили с завтрашнего утра начать новую жизнь, без пьянства, чревоугодия, разврата и других, порочащих честного мушкетера, нежелательных проявлений. Избавиться от всех вредных привычек и посвятить новую жизнь служению отечеству. Что — бы страна гордилась ими, как они гордятся страной. Ни дня без подвига! Жизнь — во славу Франции и короля! Короля и Франции! Алкогольный плен, не дающий развиваться им как творческим личностям, должен остаться там — далеко позади, за спиной. В светлое будущее — с благородными помыслами. Только с багажом полезных знаний и умений. Государству необходимы люди, на которых оно может опереться. Лишний балласт — за борт. Общество нуждается в победителях, сильных, как душой так и телом. Воинах, можно сказать. Титанах! Слабохарактерных — на перевоспитание. Не можешь — научим, как говорить, а не хочешь — заставим. Все! Решено! И точка! Назло врагам — на радость людям! Завтрашний день — переломный, как в их судьбе, так и в судьбе Франции. В истории страны рождаются новые герои! Элита бл. ть!

— Зарядку каждое утро делать буду, — Атос был непоколебим в твердом решении своего обнуления, как полного говна и возрождения себя рыцарем времен Карла Великого.

— А я волю воспитывать буду — жрать на ночь перестану, что я слон что — ли, пихать в себя с двух рук, как в мясорубку, — Портос не отставал от приятеля в реконструкции своего, наступающего с завтра бытия.

— А я в кружок анонимных алкоголиков запишусь. Интересно в Париже есть такой? Если нет — создать нужно. Вот этим благим делом и займусь. Меценатом буду. И на курсы какие — nibудь пойду. Танцы там или балет. Это модно сейчас. Самообразовываться нужно господу. Живем как скоты. Плыдем по течению, — Д'Артаньян решил категорически отречься от старого мира. Отряхнуть, так сказать, его прах со своих ног.

Арамис, на которого кое — как натянули, еще не высохшие до конца штаны, ничего и никому не обещал, находясь без сознания. Организм не справился с запредельным количеством спиртного и капитулировал.

Снилось засере, что находится он на приеме у короля, устроенному по случаю полной, окончательной победы над гугенотами. И что — бы выразить свое почтение, собрал владыка французский все высшее общество, самых, самых приближенных к себе дворян. Сливки политические и военные. И он — Арамис тоже значит здесь. Вот стоят все приглашенные, расположившись одним стройным рядком, а монарх подходит к каждому, вешает медальку на грудь и о чем — то мило беседует с награжденным, задавая вопросы и получая ответы на них. Остальные бурно аплодируют лауреатам, уже обласканным королевской благодатью и смиренно ждут своего часа. Доходит очередь и до Арамиса. Подходит к нему Людовик XIII, в руках держит не одну, а две медали, смотрит добрыми глазами и ласково так говорит:

— А сракобеса кто пустил сюда? Эта сволота мне уже один раз обгадила в хлам все покои. А ну пошел на хрен отсюда обосрун. Задница говорящая!

Стоит Арамис ни жив ни мертв. Ощущает, как сзади в штанах образовывается и увеличивается большой нежданчик. Стыдоба. Ужас. Все смеются и тычут пальцами. А монарх, еще хлопает в ладоши и скандирует громко, призывая всех присоединиться к нему:

— За — сра — нец! За — сра — нец! За — сра — нец!

И все присутствующие, в едином порыве, дружно, хором выдают:

— За — сра — нец! За — сра — нец! За — сра — нец!

Еще и вызванные стражники, пинками подбадривают, ускоряя процесс покидания тронной залы. Никому не пожелаешь такой срамоты. Позорище!

Глава 6. Новая жизнь

Заночевали у де Тревиля в резиденции. На стук, явившихся посреди ночи бухих мушкетеров никто не откликнулся, поэтому пришлось разбить стекло и высадить дверь.

Утро нового дня выдалось не самым лучшим. Началось оно с того, что в выбитых еще ночью дверях, валяющихся тут — же, появился хозяин апартаментов, капитан — лейтенант королевских мушкетеров господин де Тревиль.

Где уж он провел время и как, неизвестно, но на самодовольной морде, красовался внушительных размеров фингал, а левой рукой старый ловелас поигрывал трофейным бюстгалтером, не меньше чем десятого размера. Из каждого кармана мушкетерского камзола торчало по бутылке с коричневатой жидкостью. В свободной руке была початая, из которой Тревиль периодически отхлебывал.

— Дегенераты, кому дверь помешала? А Мадлен где? Мадлен! Мадлеен! Где ты проститутка беарнская?

Портос попытался что — то сказать, но во рту было ужасно сухо, язык прилип к небу и ничего из этой затеи не вышло. Тогда он подполз на четвереньках к начальству, зачем — то лизнул руку, принял из нее же пузырь коньяка и поднес ко рту. Несколько мощных глотков, после которых великан смог выдавить:

— Уф! Как в сухую почву! Шеф, прошу Вас заходите и будьте как дома.

— Дорогой Портос. Я думал, алкоголь с печени начнет тебя разрушать, но алкоголь хитрый — он с мозга начал. Я и так у себя дома. Вам определенно нужно перестать злоупотреблять зеленым змием. И что за вонь такая здесь?

Атос, молча коснулся руки Портоса и взял, протянутую бутылку. Жадно заходил кадык, пропуская внутрь мушкетера живительный нектар. Коньяк был хорош.

— Нет, ну что все — таки за вонища? — повторил де Тревиль свой вопрос.

— Пить! — раздался из угла, еле слышный шепот. Д'Артаньян, лежал на спине на полу и старался не шевелиться. Он молча и не мигая смотрел в одну точку на потолке. Юношу не покидало ощущение того, что в башке у него, по периметру были расположены сотни маленьких колокольчиков, а в центре один огромный царь — колокол. И при каждом, даже легком движении, все они приходили в движение, создавая такой перезвон, что хотелось немедленно сдохнуть.

Граф де Ла Фер, подойдя к другу, аккуратно приподнял ему голову и нежно по — отечески опохмелил страдальца.

— Где же Мадлен? Ну секельдымка, ну стрекоза гламурная! Секретутка! Да откуда — же духан то такой? — Тревиль, достав из кармана новую бутылку коньяка, откупорил и единоразово облегчил ее грамм на сто пятьдесят.

Тут, все взоры устремились, на безмолвно затаившегося Арамиса. Он устроился на боку, расположившись на единственной не проданной кровати, накрывшись одеялом и повернувшись спиной к друзьям а лицом к стене. Мухи, что подозрительно, роем носились вокруг него. Мушкетер лежал, стараясь не шевелиться.

До капитан — лейтенанта, кажется начал доходить смысл происходящего:

— Арамис, в рот Вам ноги, ты опять что — ли отдупился в штаны хрен малахольный?

Смущенный донельзя мушкетер, не оборачиваясь молча кивнул. Ежедневно обсирались и во сне и на яву, стало для него делом настолько обыденным, даже каким — то будничным, как например почистить зубы.

Тут на рабочем месте появилась секретарша. Заглянув к своему боссу она проворковала:

— Что за смрад у вас такой наваристый? Хлеще чем на скотобаза. Всем доброго утречка господа!

Вся злость накопленная Жаном-Арманом дю Пейре, графом де Тревилем, выплеснулась на Мадлен:

— Ты где шляешься матрешка крашенная? Ишь моду взяла. Во сколько захотела во столько и пришла. Алкашня! Медузу мне в рот. И что за вид у тебя? Я за вас возьмусь. Я за вас, за всех возьмусь. Вы у меня все вот где! — де Тревиль, сначала зафиксировал ребро ладони у шеи, а затем, обведя взглядом, погрозил всем сжатым кулаком и вновь вернулся к Мадлен:

— Махнешь с нами?

— Можно.

— Тогда стаканы неси.

— Пять сек.

Секретарша сходила в приемную и вернулась держа в руках пять стаканов. На немой вопрос шефа:

— Почему пять? — девушка незамедлительно выпалила:

— Я подумала что обдристышу не стоит пить, дабы не вызвать вновь души прекрасные порывы.

Де Тревиль поощрив улыбкой смышленную помощницу, самолично разлил напиток по емкостям и приказал поднять фужеры.

Мушкетеры подошли и взяли бокалы. Со стороны Арамиса раздался просящий звук:

— А мне мой генерал?

— Заткнись фекальный источник.

В пару заходов допили весь коньяк. Прежде чем лечь спать, де Тревиль отдал пару важных поручений, а именно:

— Все вон! Когда проснусь, дверь что — бы была на месте, как новенькая. Так, теперь что касается тебя Мадлен. За систематические опоздания наказана. У нас тут дефективный один обпоносился, нужно привести в порядок штанишки его, жопу уж сам как — нибудь сполоснет. Все за дело!

Мадлен подошла к Арамису, разогнала мух и произнесла:

— Сударь, снимайте Ваши загавненные штаны, я их простирну разок — другой.

Будущий аббат, невероятно стесняясь откинул одеяло, которым был плотно укрыт и Мадлен рухнула без чувств, закатив глаза.

Арамис поднялся, привычно уже стащил с себя грязные изнутри брюки и труселя, аккуратно вытряхнул их на пол, бросил здесь — же и пошел на колонку мыть сраку.

Мушкетеры бросились вон из комнаты, в которой остался спящий уже капитан — лейтенант де Тревиль и пребывающая в отключке секретарша Мадлен. Находиться в этой душегубке, будучи в здравом уме и памяти было совершенно невыносимо.

Этим же днем девушка и старый вояка были доставлены в лазарет, в бессознательном состоянии, с признаками отравления удушливо — рвотными газами. Не погубило их, исключительно то обстоятельство, что заступившие в караул мушкетеры, удивленные свободным доступом в резиденцию де Тревиля, заглянули внутрь, а там ексель — моксель, такое!!! Только оперативное реагирование служивых, да срочное вмешательство медиков позволило спасти двух, не до конца еще потерянных для общества граждан.

Когда капитан — лейтенанта грузили на носилки, он на время очнулся, успев прокричать:

— Все дела передаю Арамису, оставляю его за себя. Поздравьте его от моего имени! Найдите эту сволочь, пусть теперь он расхлебывает все замесы, тварь дикая, дупло прохудившееся!

А у Д'Артаньяна, Атоса, Портоса и Арамиса, в душе не ведающего о своем счастье, в виде неожиданного назначения на ответственную должность, ожидаемой перезагрузки как личностей и вступления в светлое будущее с чистыми помыслами не получилось. Не срослось как — то, знаете — ли. Как были четверьмя у — чу — чунами, так ими и остались.

Арамис, отмывшись и сменив гардероб, нашел своих друзей в трактире «Бычьи яблочки». Те, затарившись спиртным и заняв самый дальний, угловой стол, играли в кости. Друзья воссоединились, лихо отметив это знаковое событие.

Ближе к вечеру, поймав пьяный кураж, решили посетить казино. Игорное заведение находилось неподалеку от «Бычьих яблочек», занимая на соседней улице, помещение в таверне под неоднозначным названием «Кабан — кабана».

Народу, впрочем как и всегда в час пик, здесь было под завязку. Сегодня, да собственно и вчера, и позавчера, да и всегда, шла игра в рулетку. Под какие — либо другие игры, салон приспособлен не был. Сие действо, являясь прообразом современной рулетки, отдаленное сходство с ней конечно имело. Вот как все выглядело.

Первый этаж харчевни, был поделен на два, примерно одинаковых по размерам зала. Имелась еще третья, небольшая комнатка для VIP — клиентуры. Но что там происходило и кто собирался — было тайной за семью печатями. Один зал был оборудован под общепит, а вот другой — под игральню.

Это большая комната, забитая людьми, в середине которой стоит круглый стол для игры в рулетку. В центре стола пробита дыра диаметром с метр и находится человек. Глаза его завязаны плотной тканью, не пропускающей даже свет. Вокруг стола расположены заядлые игроки. На груди каждого азартного персонажа, мелом нарисована цифра от нуля и до бесконечности, по количеству играющих личностей. По команде крупье:

— Делайте ваши ставки господа! — господа имеющие желание сделать ставку, делают ее, как, непосредственно игроки за столом, так и зрители, называя цифру написанную на одежде одного из игровых и сумму, которой готовы рискнуть. Помощники крупье собирают ставки. После чего звучит команда:

— Стол закрыт. Ставки больше не принимаются.

Человек, расположенный в центре стола поднимается в полный рост. В вытянутой руке, он уже держит заряженный пистолет. В полной тишине «волчок» начинает раскручиваться, когда по часовой стрелке, а когда и против, не суть важно — «бим — бере — бим — бим — бом». В какой — то момент он останавливается и шмаляет. Здесь, вновь на сцене появляется крупье, который подойдя к столу, осматривает лежащий на полу труп с нарисованной цифрой и дыркой от точного попадания на пузе. Или на лбу.

— Дамы и господа! Выиграло число 15. Игроки, поставившие на эту цифру, прошу получить ваш выигрыш! — звучит голос ведущего.

Иной раз, никто из находящихся за столом персонажей не падает, а пулю получает случайный зритель в зале. В таком случае раунд объявляется не сыгранным, дохлого терпилу, за ноги выволакивают на улицу и ставки переносятся на следующий кон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.